

Надежда  
РОМАНЕНКО

*Школьные  
обыкновения*



Надежда  
РОМАНЕНКО

*Школьные  
обыкновения*

Камышин  
2006

## К ЧИТАТЕЛЮ

Третья школа... Как много воспоминаний... Прошли те времена, когда камышинская школа № 3 была «центром вселенной». Это были золотые дни для многих поколений. Ведь наша школа для нас была вторым домом.

Стильные шестидесятые годы, эпатажные семидесятые, неформальные восьмидесятые... Тогда ещё не было престижной 18-й и модной 9-й школы, потом не стало 7-й восьмилетней. А третья школа была. И жизнь в ней бурлила...

Сколько всего здесь было «не как у всех»? Школьный духовой оркестр, школьное лесничество, где ребята носили оригинальную униформу. А спортивно-трудовой летний лагерь! И здесь мы были первыми. Нигде в городе не отмечали праздник «Золотая осень» так, как у нас. Этого торжества почти двухтысячное «население» школы ждало, пожалуй, даже с большим нетерпением и желанием, чем встречу Нового года. А уж о празднике школьного историко-краеведческого музея, который отмечался 12 апреля — вообще разговор особый. Этот день считался тогда настоящими «именинами» 3-й школы.

Именно у нас впервые стали бороться с тоскливыми и серыми стенами классов и коридоров. И эффектные росписи от пола до потолка появились тоже у нас. Школьный кинотеатр со множеством кино клубов и дискотек — также изобретение школы № 3.

Да много всего было оригинального (по тем временам) нового, как теперь говорят, креативного и даже скандального. И всё это было нашим, «третьешкольным».

Однако ничего бы этого не произошло, не будь у нас экстраординарного и прогрессивного организатора, как Романенко, которая всегда слыла в Камышине передовым и авторитетным директором.

А ещё она великолепно вела свой предмет (общую биологию в старших классах). Кроме всего прочего наша «нетипичная» директриса любила троечников и разных там «трудных» подростков. Почему? Да потому что они гораздо охотнее и с большим интересом участвовали в разных внешкольных мероприятиях. Она умела любить всех своих учеников, гордилась и нашими прославленными отличниками: победителями олимпиад, спортсменами, активистами-общественниками.

За 23 года директорства Надежда Федоровна (и последующие 10 лет руководства школьным музеем и кружком декоративно-прикладного искусства) наработала столько всего положительного и успешного, что этим «багажом» грешно было бы не поделиться с молодым поколением педагогов.

Вот Романенко и взялась за рассказы о жизни школы. Об успехах и победах, о достижениях, и об обычной жизни. О самых, казалось бы, простых вещах, из которых состояла жизнь нашей школы. Обыкновенные житейские истории, описанные директором школы — памятник целой эпохи. Почему? Да потому, что эти рассказы хранят память трёх неповторимых десятилетий.

Читая рассказы, ловишь себя на мысли, что в них есть чему поучиться нынешним работникам народного образования. Сейчас стало модным жаловаться: «нет у школы средств» или «почему всё должны оплачивать родители?». В этом плане очень полезно почитать книгу Надежды Федоровны, в которой она рассказывает о работе на одном энтузиазме, даже не подозревая, что можно трудиться за деньги. Может быть, кому-то покажется, что опыт Романенко устарел, что времена теперь не те. Да бросьте: Романенко опередила время.

Когда в эпоху горбачёвской перестройки вдруг стало модным быть неформалом, Надежда Федоровна сразу заявила: «А мы давно так живём!» и тут же выдала шуточный лозунг: «Мы — неформалы! Формалы — не мы!»

У неё и сегодня есть чему поучиться. Кроме её 33-летнего педагогического и «управленческого» опыта родился на свет сборник рассказов — «Школьные обыкновения» — собрание любопытных, порой забавных и даже грустных историй.

А если серьезно, то в этой книжке сублимирована подлинная, а не мемориальная история нашего города, история народного образования в Камышине. Пусть не вся, а только в масштабах одной единственной школы (и только в определённый период), но зато самая настоящая.

Книга Романенко лишена традиционного писательского пафоса, она написана простым доступным языком. Фамилии школьников умышленно скрыты, упоминаются лишь имена. Зато учителя представлены полностью: с фамилией, именем и отчеством. Такова концепция автора.

Для тех, кто в 1963–1996 годах учился или работал в третьей школе, «Школьные обыкновения» — источник ностальгических

воспоминаний. На фотоснимках (которые сотнями печатала Надежда Фёдоровна), навсегда остались юными сегодняшние тридцатилетние и даже пятидесятилетние «девочки» и «мальчики». (Часть директорского фотоархива представлена на страницах этой книги.)

Друзья, всмотритесь в эти кадры школьной фотохроники, прочитайте эти «обыкновенные» истории и вспомните давно ушедшее детство. Ведь оно теперь осталось исключительно в нашей памяти. А прогуляться по самым светлым уголкам юности нам поможет эта чудесная книжка.

«Пройди по тихим школьным этажам, где прожито и понято не мало!..»

**Сергей ЧЕБОТАРЁВ.**

## ОТ АВТОРА

*В молодости мы живем впечатлениями.  
В старости воспоминаниями...*

Вот и пришло время воспоминаний. Прожита большая и творческая жизнь, 33 года из которой пройдены вместе со средней школой № 3 города Камышина, носящей имя Г. С. Титова. Учитель-директор-краевед. Много лет (из них только директором 23 года). Их я считаю счастливыми.



Была обычная повседневная и необходимая работа. Но также была и творческая, со множеством находок, удач и свершений. Что-то радовало, что-то огорчало. И по прошествии многих лет начинаешь понимать, что это просто была обыкновенная жизнь. Отсюда и название моей книжки — «Школьные обыкновения».

С годами воспоминания становятся ярче, чище и светлее. Сейчас понимаю, что какие-то события были неизбежны, а каких-то могло и не быть. Но все это школьная жизнь!

Когда мы с ветеранами школы встречаемся, то начинаются бесконечные воспоминания. Они никогда не бывают о трудностях нашей профессии. Мы никогда не говорим плохо об учениках, какими бы сложными личностями они ни были. Наши «обыкновения» почти всегда бывают со счастливым концом, где побеждают: понимание, милосердие, добро.

О воспоминаниях хорошо сказал поэт Георгий Суворов:

*«В воспоминаниях мы тужить не будем.  
Зачем туманить грустью ясность дней.  
Свой добрый век мы прожили как люди —  
И для людей...»*

Доброжелательный и дружный коллектив школы сложился не вдруг. Нам всем хотелось трудиться в мире, согласии и притом успешно. Мы к этому стремились, прилагая усилия. Благоприятный микроклимат в коллективе положительно сказывался и на ребятах. При встречах с бывшими учениками мы слышим

слова благодарности, и они несут по жизни очень теплые воспоминания о школе, об учителях.

Прекрасно сказала об учителях Маргарита Агашина:

*«...и той же тропкой дальней-дальней,  
идут мои учителя.*

*Идут все также отреченно!*

*И всю-то жизнь путем одним  
ведут мальчишек и девчонок,  
не подчиняющихся им.*

*Идут в погоду-непогоду.  
по марту и по декабрю.*

*И я сквозь прожитые годы  
на них все пристальней смотрю.*

*И знаю многое теперь я,  
и понимаю что к чему.*

*Но где они берут терпенье,  
И до сих пор я не пойму».*

Свои воспоминания я посвящаю тем, кто учился и работал в нашей школе. Кто ее помнит, любит и пронес эти чувства через многие годы.

Благодарю председателя городского Комитета по народному образованию Владимира Сергеевича Подхватилина, моих друзей, а также Сергея Чеботарёва и моего сына Сергея Романенко, поддержавших идею создания книги «Школьные обыкновения».

Спасибо всем, кто принимал участие в ее издании:

— Ивану Семеновичу Сугоняеву — руководителю МУП «Камышинская типография»;

— техническому редактору Зууре Сайдаевне Дугушовой;

— коллективу типографии.

Всем низкий поклон и наилучшие пожелания.

**Автор.**

## ПРОЩЕНИЕ

Поздно вечером я вышла во двор нашего дома подышать морозным воздухом. Нездоровилось, болела голова. Одета была тепло, сидела на лавочке одна. Все проблемы ушли далеко, забылись... Хлопьями падал снег. Горел фонарь и очень красиво, как бы в танце кружились снежинки. На фоне темно-синего неба сказочно выглядели кружева черных ветвей могучих деревьев. Ветви были густокрыты снегом. Ни людей, ни машин, ни звука.

Впрочем, вскоре послышались шаги. По дороге шел мужчина в лохматой шапке — лица не видно. Замедлил шаг, посмотрел на меня и пошел дальше. Потом он вернулся, и все повторилось. У меня мелькнула мысль: «Может ему нужна моя шапка из рыжей лисицы? Так у него у самого такая же лохматая». В третий раз он все же подошел, взгляделся:

— Вы ведь Надежда Федоровна?

— Да, я.

— А я ваш бывший ученик.

Я удивилась, пожилой и в легком подпитии. Спросил разрешения присесть. Поинтересовался моим житьем-бытьем на пенсии. А дальше полились его воспоминания о школе 60-х годов. Меня поразило то, что он называл учителей по именам и отчествам, вспоминал подробности школьной жизни. Радовался, когда узнавал о благополучии иных и искренне огорчался, узнав, что кого-то уж нет. Вспоминал долго, а потом он вдруг сказал: «А ведь вы меня когда-то очень обидели». Я попросила рассказать. И все вспомнила.

А дело было так. Он был средним учеником, увлекался радиотехникой. Я ему доверила радиоаппаратуру, он обеспечивал линейки и вечера. Взрослые были зависимы от него, ребята уважали. Такой звуковоспроизводящей техники, как сейчас, не было. Несколько слов о тогдашней «технике». Это был ламповый усилитель с проигрывателем для пластинок и два черных больших ящика с динамиками. И еще старые, соединенные много раз и заклеенные изоляционной лентой провода. Если кто-то нечаянно на них наступал, раздавался свист и вой — помехи. К этой горе-аппаратуре относились бережно. Другой не было.

Мой ночной собеседник любил эту «чудо-технику», гордился доверием. Она его подвела в середине одной из линеек первой смены. Еще предстояла линейка второй смены. Он схватил этот



огромный усилитель и побежал его ремонтировать домой. Там был паяльник и все необходимое. Быстро сделать он не смог. Возился всю ночь. На следующий день, счастливый принес исправленный усилитель в школу. Ящик в железном корпусе нес гордо. Его встретили огорченные ребята — на доске объявлений в вестибюле висел приказ: «За срыв линейки... объявляется выговор...»

Друзья советовали ему все объяснить директору, но он остался с обидой за этот выговор на много лет.

И вот, счастливый случай... Он облегчил свою душу. И я была не просто рада — счастлива извиниться. Воистину как в «Отче наш»: «И прости нам грехи наши, как и мы прощаем согрешившим против нас».

## НАЧАЛО



Моя семья приехала в Камышин в 1963 году. Все лето я тревожилась — смогу ли устроиться на работу? Желających работать в школах было в то время много. В ГорОНО их ставили на очередь, и директора подбирали кадры. Был выбор. Заведующий ГорОНО Алексей Михайлович Стариков сказал мне: «Вы будете работать». Я все же тревожилась и снова шла на прием и слышала те же слова, плюс: «Идите домой, у вас же малые дети. Вызовем». Сейчас уже многие помнят, что кабинет А. М. Старикова находился на первом этаже старинного здания, в котором сейчас находится городской музей. Узкий, темный коридор и толпа учителей, желающих работать. Если освобождалось место у стенки, его тут же занимали. Стены старого дома хранили прохладу даже в жарком августе. Из кабинета выходили счастливые с листочком-направлением и огорченные без оно-го. В то время заведующий ГорОНО работал один: ни секретаря, ни инспекторов. В штате было еще несколько работников бухгалтерии. Наконец-то и я получила желанное направление в среднюю школу № 3.

Директор — Николай Павлович Воробьев — сказал: «Присту-

пайте к работе, завучи скажут, в каких классах и дадут классное руководство».

1 сентября я знакомлюсь с 5 «в». Открывается дверь со словами: «Николай Павлович сказал, что это ваш ученик», и буквально вталкивают ко мне новенького. Мальчишки его дружно приветствуют. Что-то не так! После восьмого новенького я пошла выяснять ситуацию к завучам. За дверью слышен был разговор, с усмешкой говорили: «Надо же, только после восьмого дошло. Обратного не возьмем». Все «новенькие» были второгодниками, как не трудно догадаться. В классе преобладали мальчишки. Коллеги радовались, что так легко «очистили» свои классы и одурачили меня. Так в моем классе оказался десяток второгодников.

С ребятами мы подружились благодаря походам, живому уголку, кружку. Но если в школе случалось ЧП, подозрение падало на мой класс, и частенько это оправдывалось. Но однажды... Это было накануне 8 марта. Пока соседний класс был на уроке физкультуры, всю мелочь, из оставленных портфелей и карманов кто-то выбрал. Часа два шло разбирательство в кабинете завучей. Ребята выворачивали карманы, показывали портфели, пяточки на пирожки и денежки (на них мамы поручали купить





хлеб). Только один парнишка стоял «насмерть», держал руки в карманах и повторял:

— Там нет того, что вы ищите.

— Тогда покажи!

— Пусть Надежда Федоровна выйдет.

Очень расстроенная завуч Александра Григорьевна Зотова мне рассказала, что в грязной и потной ладошке мальчишки была зажата шкатулочка. Ученики ее купили, чтобы подарить мне к 8 Марта. Не успели.

— Теперь нельзя дарить, ведь она подумает, что мы купили на ворованные деньги! А мы убежали с урока в магазин. Когда пришли, узнали о воровстве. Девочки подтвердят, что денежки мы собирали в своем классе. Вы только скажите





классной, что мы не воровали.

Больше сорока лет храню в доме эту маленькую деревянную шкатулочку с резьбой в виде забавного петушка, а в сердце — память о моем пятом классе.

В институте я преподавала методику, а здесь появилась возможность знания и опыт применить на практике. Когда я поделилась планами со своими прежними владикавказскими коллегами, они мне не поверили: «Ты столько потеряла и хочешь сказать, что довольна? Перед нами не криви душой, мы тебе сочувствуем».

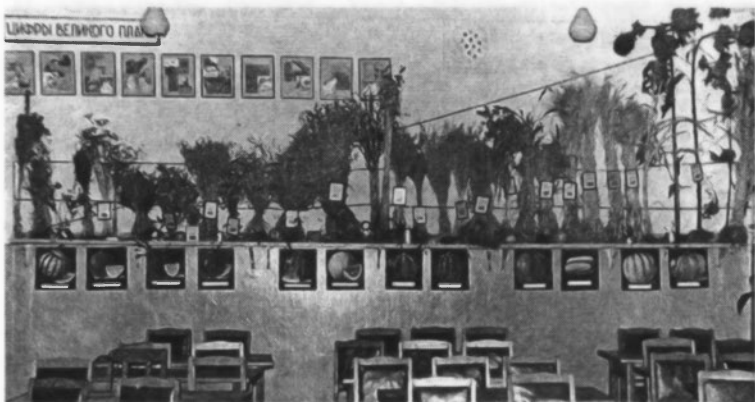


Но прислали из Владикавказа посылку разных семян для пришкольного участка.

Первый визит директора ко мне на урок меня очень удивил. На нем была шапка-ушанка. Потом он попросил ключи и запер входную дверь. «Неужели он думает, что мои ученики могут разбежаться?» — мелькнула мысль. Вела урок вдохновенно. Люблю эту тему «Распространение плодов и семян в природе». Накануне были на экскурсии, природного материала было больше чем достаточно. Еще много раз приходил Николай Павлович ко мне на уроки, хвалил за наглядность, интересный рассказ, дисциплину. За дисциплину — зря, кто же будет ее нарушать в присутствии директора. А анализ моей работы он доверил замечательной учительнице начальных классов, работавшей с ним еще в 46-й школе — Нине Николаевне Дьячковой. И закончил словами: «А как речь-то говорит, словно реченька журчит». Это была высокая оценка филолога. Об этом мне рассказала сама Нина Николаевна, чем меня очень вдохновила.

О шапке и ключах я узнала позже. Н. П. Воробьев — фронтовик, был ранен, страдал головными болями и берег большие уши. Поэтому, остерегаясь сквозняков, сидел за последним столом у двери.

Считаю, что мне очень повезло — вторым биологом работал Николай Григорьевич Ефимов. Скорее он был первым. Первым во всем. Энергичный, инициативный, любящий свою работу, отдающий школе всего себя. Мы очень дружно работали, многому мне приходилось учиться у него. Мы поддерживали друг друга.



Из походов приносили живой материал не только каждый для себя, несли все полезное для всей программы по биологии.

Помню, однажды очень его огорчила. Придя на пришкольный участок, я поразилась грядкам: «Это что за корыта?». Хорошо, что я с ребятами успела переделать совсем немного грядок. Н. Г. Ефимов пришел вовремя. Он только и сказал: «Это что, кладбище?».

Дело в том, что я училась в Ленинграде, и мы на биостанции делали очень высокие грядки, спасая растения от избытка подпочвенной влаги. Потом работала во Владикавказе, и там тоже поднимали грядки — много дождей. «Корыта» меня поразили. Перекопав дорожки, мы «подняли» грядки. Хорошо, что мало успели.

У Николая Григорьевича был отлично оформленный кабинет. Множество комнатных растений. На окнах зрели помидорчики и огурчики. Был живой уголок. Во всем этом «хозяйстве» охотно работали учащиеся, помогали родители. Регулярно выпускались стенгазеты о разных направлениях и проблемах в биологии. В коридоре второго этажа была витрина, в ней в пробирках мы показывали «Вести»: о природе весной, осенью, летом. Так сказать, календарь живой природы, постоянно меняющийся.



Ребята следили за сменой образцов, приносили все новые и новые, а также стихи, фотографии, зарисовки.

И еще одной гранью таланта раскрылся этот учитель, организовав ШТЭМ (школьный театр эстрадных миниатюр), где играли старшеклассники. ШТЭМ давал концерты для родителей, шефов и в клубах. Это было ново и очень популярно. Но когда мы дали спектакль ШТЭМа на смотре художественной самодеятельности, нам его не зачли, а лишь спросили: «А где же самодеятельность? ШТЭМ — вне конкурса, ведь его больше ни у кого нет».

Поскольку речь идет о начале моей деятельности в Камыши-не, не могу не вспомнить еще раз Алексея Михайловича Старикова. Его очень любили учителя. С нами, директорами, он был по-отечески строг, всегда ровный, спокойный. Лично ко мне он относился хорошо, поддерживал во многих начинаниях. Но однажды что-то произошло. Только я вошла в кабинет, он стал меня отчитывать. Довольно раздраженно. Я не понимала своей вины, пыталась что-то выяснить, объяснить. Бесполезно. Так я и ушла. Направилась вдоль по набережной, чтобы никого не встретить. Шла в полном недоумении и плакала. В школу пришла вместе со своей обидой. Все переполошились, посылали домой. Оказывается, несколько раз звонил Алексей Михайлович, просил меня разыскать. Еще много раз он звонил, для него меня не было, не приходила. Но все же надо было отвечать. Раздался в трубке его голос:

— Надежда Федоровна, простите меня старика, я обидел вас незаслуженно. Меня неправильно информировали, так сказать, настроили против вас. И много раз он повторил: «Простите, я был не прав...». — Ну, что вы молчите?

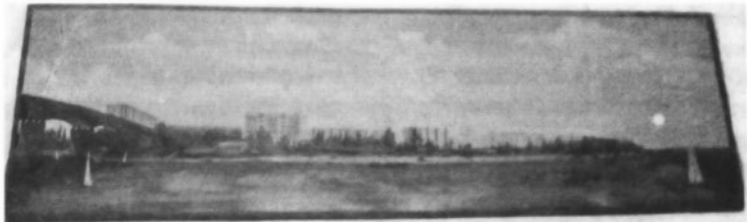
Готовая разрыдаться я только и смогла ответить:

— Спасибо, что позвонили...

Это было спасибо не за звонок, а за извинения. Спасибо за науку. Не зря говорят, что начальник всегда прав. Признать свои ошибки и извиниться может только сильный человек, таким был А. М. Стариков.

## КАРТИНА

Она была написана для проведения экскурсий. До входа в помещение музея мы приглашали гостей в запасник. Маленькая комната для хранения предметов, которые временно не эк-



спонировались, документов, альбомов, книг. В ней работали экскурсоводы и организатор по краеведению. Здесь находилась картина. Большая, во всю стену. На картине — 6-й микрорайон со стороны Камышинки, весь берег от моста и до Волги. Все знакомо, узнаваемо. После созерцания панорамы нового города — частицы истории сегодняшнего дня, мы приглашали в музей для знакомства с историей старого Камышина. Шли от знакомого к неизвестному.

Люди дорожат памятью и любят достоверность.

Работа над картиной началась с фотографирования 6-го микрорайона — с правого берега Камышинки. Фотографии склеили — получилась панорама, и началась работа красками. Вокруг работы появились не только любопытные, но и те, кто жил в микрорайоне. Они искали свои дома, окна, балконы. Нельзя было огорчать, требовалась достоверность. И она была достигнута.

А вот людей старшего поколения волновало другое:





— А где же 46-я школа?

— Ее же за деревьями не видно (ссылаюсь на фотографии), — но всем хотелось, чтобы на картине школа была.

— Обязательно нарисуйте. Сделайте так, будто деревья еще не так высоко выросли. Ведь так было!

Несколько раз пришлось смывать краски. С помощью старого фотоснимка восстанавливался закрытый деревьями вид 46-й школы. Ведь она нам не «чужая», с нее начиналась 3-я школа. Опять шел подсчет окон, труб, изучали крыши. Наконец, прошлое и настоящее пришли к согласию.

## ГОРЛИЦЫ

Трудно сказать, что заставило этих милых птичек с берегов Волги и прибрежных лесочков перебраться в город. Но они появились весной и в довольно большом количестве. Птичка по размерам меньше голубя. Окрас палевый, т. е. светло-коричневый, на горлышке темные перышки, как бусы. Издавали эти птицы горловые, воркующие звуки. И еще две особенности: в отличие от голубей, садились и гнездились на деревьях, очень доверчиво относились к людям.

Они облюбовали ветви громадных тополей во дворе школы (их уже давно спилили). Горлинки стали строить гнезда. Буквально перед окнами. Ни шум, ни внимание ребят их не волновали. На линейке мы просили ребят не беспокоить птиц, просто наблюдать и не открывать окна. Пояснили, что они, поселившись рядом, доверили нам самое дорогое — свои гнезда и деток — будущих птенчиков. Гнезда располагались на уровне третьего этажа школы, где занимались начальные классы. Ребята прониклись любовью к горлицам и с восторгом рассказывали о строительстве гнезд и, особенно, о скором появлении птенцов.

Еще на подходе к школе было нетрудно догадаться: что-то произошло. Был понедельник — день линейек. Но ребята не спешили на линейку, что-то обсуждали во дворе, были возбуждены. Очевидцы из ближних домов рассказали, что в воскресенье они прибежали на шум возле школы и увидели, как на гнезда горлинок налетели сороки, съели яйца, все разорили. Для ребят (как и горлинок) — это было трагедией.

Когда я, очень расстроенная услышанным, пришла на первый

этаж, мое огорчение сменилось удивлением. Возле окон среди кустарников суетились ребята. Из хвороста было сделано гнездо, величиной с большую корзину. В гнезде лежали куски хлеба, булок. Рядом на веревочках висели два картонных пакета (в таких раньше продавали молоко). Как мне объяснили, в одном была вода, в другом — молоко. Наивные, но очень добрые дети решили, что горлицы оценят их заботу и поселятся в «гнезде». А они будут дежурить день и ночь — охранять гнездо от сорок. И снова на линейке шла речь о горлицах, о природе, в которой непрерывно идет борьба за выживание. О том, что так устроен мир. Но это мало кого утешало.

И горлицы не сдались. Они еще более поверили нам. В наружных рамах окон нашли стекла с выбитыми уголками. Между рамами вскоре появились гнездышки, потом яйцекладки. На нас доверчиво смотрели черные бусинки глаз, насиживающей горлинки-мамы. И, наконец, вот они — птенцы.

Когда проходил вечер вручения аттестатов, нарядные выпускники, родители, педагоги изнывали от жары, но огромную форточку возле сцены не открывали. Между рамами сидела на гнезде горлинка. Потом, не выдержав духоты, все же открыли внутреннюю раму. Горлинка не шелохнулась. Приоткрыли наружную, насколько было возможно, чтобы не раздавить гнезда. Закрепили раму, потянуло спасительным сквознячком. Все облегченно вздохнули и не только потому, что стало легче дышать, а и потому, что мать-горлица не оставила своего гнезда.

Какой урок высокой нравственности!

## 22 ИЮНЯ

В нашем спортивно-трудовом лагере, да и в пионерском сложилась традиция — в годовщину начала Великой Отечественной войны встречать рассвет. Восход Солнца — это медленный переход от тьмы к свету, пробуждение природы и начало нового дня. Это явление всякий раз происходит по-разному, но всегда поражает.

Разумеется, мы напоминали ребятам о значении этой даты. Хотелось пойти всем — это так романтично. Просили только разбудить. Однако встать ночью — оказывается, не так-то просто. И все же редко кто оставался в теплой постели, чтобы потом не сожалеть, слушая рассказы товарищей.

Берем с собой одеяла. Прохлада, туман, роса. Мы идем в ночи, представляя собой довольно жалкое зрелище. Закутанные в одеяла невыспавшиеся дети идут уныло. В пионерлагере «Звездный» — это довольно далекий поход.

Останавливаемся на склоне очень глубокой и широкой ложбины. За нею бескрайняя даль и горизонт. Кто-то укладывается досыпать, завернувшись в одеяло. Через некоторое время те, кто не спит, начинают тормозить уснувших. На горизонте небо окрашивается в слабо-оранжевый цвет. Вначале появляется только маленькая полоска, а облака становятся сиреневыми. В это время стоит такая тишина в природе! Тут мы начинаем рассказ о том, что вот таким же был рассвет и 22 июня 1941 года, когда тишину нарушили разрывы бомб.

О начале войны дети уже слышали много раз, но, оказавшись на лоне еще непроснувшейся природы и в глубокой тишине, они образно представили рассвет перед войной. И что вся эта благодать может вдруг взорваться, и стоять жизни людям и всему живому. Даже нам, взрослым, стало жутко. Все молча ждали восхода Солнца. С верой, что когда оно взойдет, уже ничего плохого не может случиться.

Пробуждалась природа медленно и сказочно. Пропела одна птичка, вторая... И вот уже звучит целый оркестр. Когда взошло солнце, проснулись кузнечики, бабочки. Природа торжествовала, встречая новый день. К этому ликованию присоединились крики «ура» ребят. Потом много говорили, читали стихи, пели. Одеяла уже были не нужны.

Возвращались в лагерь счастливые и со свернутыми одеялами на плечах. Резвились. Радость переполняла всех. А что, собственно говоря, произошло? Встретили мирный рассвет!

Счастье, когда ничего страшного не происходит — отсутствие несчастья.

## ЧУКЧАНОЧКИ

Смотр художественной самодеятельности школ города — всегда событие. Прежде это действительно была «самодеятельность» школы, ее учителей и детей. Сами ставили танцы, шили костюмы, репетировали с хором. Приглашать специалистов не полагалось, ведь на это не было средств у ГорОНО, а у школ тем более.

В то далекое время организатором внеклассной работы в шко-



ле № 3 работала Нина Павловна Плющева. Молодая, энергичная, прекрасный организатор. К смотру она подготовила несколько танцев. Мы сами сшили очень оригинальные костюмы. Конечно же, надеялись на успех. В заключение дети из младших клас-

сов должны были исполнить танец «Чукчаночка» (так мы его назвали сами). Девочки в расклешенных пальтишках с капюшончиками из белой фланели смотрелись очаровательно. Костюмы были украшены ярким сине-красным орнаментом по подолу и на капюшонах.

Все было хорошо отрепетировано. За несколько дней до смотра родилась идея: в середине танца «выпустить» белого медвежонка, который должен был повести весь хоровод. На роль медвежонка была выбрана очень подвижная девочка Жанна. Она, в белом меховом костюме выглядела великолепно. Роль освоила быстро.

И вот заключительный номер. Наша радость беспредельна. Все идет хорошо. Учителей за кулисами беспокоит только Жанна-медвежонок. Она не стоит на месте — бегаёт от одной кулисы к другой, за задним занавесом играет. Наконец-то ее изловили. Ее выход. «Медвежонок» буквально вытолкнули на сцену.

Кружится хоровод и сбивается. И никто ничего не может понять. Танцоры повернулись спиной к залу, а «медвежонок» продолжает резвиться. Потом стало все ясно: Жанну отправили на





сцену с левой кулисы (там, где поймали), а надо было с правой. Хоровод оказался на авансцене спиной к залу (но лицом к «медвежонку»). И вот — поклон. О, ужас! Задрались короткие пальтишки, мелькнули белые трусики. Дети-зрители взорвались смехом и аплодисментами. Наши счастливые артисты кланялись, кланялись и кланялись.

Владимир Константинович Шевченко (заведующий ГорОНО) со словами: «Прекратите это безобразие!» рванул к сцене и самолично задернул занавес. Учителя нашей школы побежали на сцену. А счастливые танцоры весело восклицали: «Слышали, как нам аплодировали? Дольше всех!».

Мы провалились с треском. Проводив детей, шли по обледевшей горе улицы Некрасова и молчали. Была весна. Ярко светило солнце. А по нашим щекам текли слезы. Так было обидно!

На совещании меня отчитали как раз за то, за что зал аплодировал «дольше всех». Оправдываться не стала, да и к чему?

На следующий год на смотре мы снова показали «Чукчано-чек». Нам сказали: «Это другое дело» — и отобрали номер на городской смотр.

## ИГРУШКИ

В школьном музее было много привлекательных для детей вещей. На них хотелось не только посмотреть, но и потрогать, по-

играть с ними. И ничего с экспонатами не могло случиться. В шкафу «Детство, школа» находилось много старинных игрушек. Какое удовольствие для ребят, ведь ими играли еще их бабушки и дедушки! Или полюбоваться елочными украшениями, которым уже сто лет.

Мальчишкам интересно: в какие же игры их ровесники играли в старину. Ребят очень удивляло, что резиновых и пластмассовых мячей тогда не было. Их делали сами — старые носки набивали шерстью коровы, зашивали (шерсть упругая), придавали им круглую форму.

Через несколько дней, после экскурсии ребята сообщили:

— А мы переняли музейный опыт и сделали себе такие же мячи (это было время, когда в магазинах вдруг все исчезло и мячики тоже).

— И играете в футбол?

— Нет, в «вышибалы». Для футбола они не годятся.

Девочек привлекали куклы, сшитые из лоскутов. Класс Светланы Андреевны Маслаковой подарил музею самодельных кукол, одетых в костюмы народов, населяющих наш край. А сшиты они были из обрезков тканей, из которых делались народные костюмы экскурсоводов. Ребята надевали эти наряды, когда вели экскурсию об одежде и предметах быта жителей



древнего Камышина. А если экскурсию проводили без ребят, то экскурсовод ссылался на одежду кукол. Во время подобных экскурсий использовались еще и фотографии жителей старого города. Иногда, наводя порядок в музее, младшие девочки просили: «Можно поиграть с куклами? Мы аккуратно поправим им одежду и вернем на место». Такая возможность может быть только в школьном музее. Потому-то здесь и не было табличек «Руками не трогать!»

В музее, когда он располагался на четвертом этаже, была подвешена старинная детская зыбка. Мы гордились этим экспонатом. Его отдала нам старушка из села Дворянское. Она поведала, что «выкачала» в этой зыбке четверых ребятишек. На деревянной рамке была натянута грубая мешковина с несколькими заплатками. По углам зыбки — грубые, но прочные веревки. Вверху — крюк. За него и подвешивали зыбку в избе. Для достоверности на старенькое лоскутное одеяльце и пеленочку мы посадили куклу. Их когда-то «пупсиками» называли. Симпатичный «младенец» с голубыми глазками. На Малыше, так его как-то сразу называли, были надеты 50-летней давности распашонки и чепчик. Даже у взрослых Малыш вызывал умиление, а девчонки его просто обожали.

— Можно поправить у Малыша постельку? А можно его уложить спать?

Укладывали, что-то нашептывали, укачивали, желая спокойной ночи, обещали завтра придти.

Неслучайно, в старину старшую сестру дети называли «няней», а игры девочек в куклы поощрялась. В девочках воспитывались лучшие нравственные качества: умение заботиться о младших, любить детей, быть терпеливой, доброй «няней». В общем, готовили к материнству.

## ПАМЯТЬ

Однажды, 1 сентября родилась идея — почтить могилы учителей посещением. В то время (70-е годы) на школьных линейках по случаю праздника первого звонка цветов было — «море». Их не приходилось покупать. Они были тогда без ярких оберток, без бантиков, но зато их выращивали во дворах частного сектора, на дачах — сами дети и их родители. На двух машинах Лев Степанович Митрофанов — преподаватель труда и Нико-

лай Николаевич Неретин — муж завуча-организатора Нины Ивановны, отвезли нас с цветами на кладбище. Цветами мы украсили могилы. Ребятам и посетителям кладбища мы пояснили: «1 сентября учителю и на кладбище — почтение». В последующие годы, когда мы появлялись на кладбище с цветами, те, кто знал нашу традицию, говорили: «Это к учителям!» (Николаю Григорьевичу Ефимову, Александру Ивановичу Плотникову, Марии Петровне Шлыковой, Григорию Степановичу Тумко и другим.)

С начала 70-х годов наша школа регулярно следила за могилой известного скульптора Николая Петровича Волконского — человека одаренного, очень сложной судьбы, сосланного в Камышин. Когда краеведы узнали о его судьбе, то прониклись к нему глубоким уважением. Его могила была не ухожена, сквозь оградку проросли деревья и высохли. Рядом с мраморным бюстом скульптора, сделанным его сыном в Москве, — другой памятник — простая пирамидка. Под «пирамидкой» покоились останки жены скульптора. Оградка на ее могиле поржавела, покрасить ее уже было некому.

Учительница географии, ответственная за краеведение, Евдокия Петровна Верголасова вместе с ребятами регулярно очищали могилы, красили ограды. Несколько лет назад с учителями — Сергеем Борисовичем Пехтелевым, Викторией Игоревной Пехтелевой и краеведами мы провели целый день на кладбище. Все привели в порядок.

Ребята заметили, что вокруг могилы Волконского и его жены много детских захоронений с размытыми холмиками, деревянными крестиками или просто колышками. Люди как бы «поручили» почтенному, уважаемому человеку своих младенцев. Наши ребята привели в порядок и детские могилки. На оградке мы закрепили плотный полиэтиленовый пакет, написали текст-обращение к дорогим землякам-камышанам, с просьбой — сохранить память о выдающемся человеке, жившем в Санкт-Петербурге, Саратове, работавшем учителем рисования в школах нашего города. Никто не сорвал наше обращение. Спустя два года мы его сняли сами, поскольку требовалось его обновить. В этом году я увидела вокруг могилы скульптора ухоженные детские могилки, появились новые металлические крестики, свежие цветочки. Люди вспомнили о своих младенцах.



Как важно помнить тех, кого с нами уже нет! Старшему поколению надо бы этому учить молодежь.

## ОПМ

Аббревиатура расшифровывается так: «Образцовый порядок микрорайону!»

Исчезали улочки Старого города. Рождался третий микрорайон. Во время рейдов по улицам и посещениям неблагополучных семей мы видели как наши ученики «осваивали» подъезды новых домов: на стенах надписи, испорченные двери и окна. Из своих «собственных» домов люди переселялись в государственные квартиры, и новые дома были как бы «ничейные», общие. Дети, которым нечем было заняться, всем мешали. Их сгоняли со скамеек у подъездов, построенных взрослыми, их ругали, если они играли в мячик (шумели вблизи домов). Однажды, вопрос о поведении детей, о сохранности жилого фонда поднимался даже на сессии горсовета. Как всегда шла речь о том, что «школы плохо воспитывают учащихся».

Как-то утром, широко распахнув дверь моего кабинета, на пороге возник старичок с корабельным канатом в руках. Он был очень сердит. Сделал внушение о том, что мы плохо воспитываем детей: «Не жалеют деревья, потому что не знают с каким трудом они вырастают в Камышине...»

Интересно, что бы он сказал сейчас, когда в городе идет масовый «лесоповал»? Деревья уничтожают все, кому не лень: помешал красавец-тополь на улице Некрасова рекламному щиту, затемнили деревья чье-то окно, выросло «не там где надо, не той породы» — под топор и пилу... Сколько загублено наших «зеленых друзей»!

Почему возмущался старичок, при чем здесь канат? Мальчишки привязали канат к ветке дерева и сделали качели. Он водил меня к дереву. Огромный клен ясенелистый, очень толстая, растущая горизонтально ветка... И все же, старожил города был прав.

Мы решили действовать: навести порядок в микрорайоне и построить какие-нибудь спортивные сооружения. Хотя бы стойки для качелей, перекладину, скамеечки. Все подальше от домов. Был изготовлен плакат и листовки с обращением

ко взрослым жителям микрорайона.

В день операции ОПМ мы вышли на улицу, организованно выстроили линейку. Выглядело все довольно комично. Тогда строили на линейки в форме «белый верх, темный низ» и галстуки. А тут разнообразная одежда, «которую не жалко», ведра, веники, тряпки. «Десант» выглядел малоубедительно. Жители удивлялись и были даже недовольны: «Опять школа что-то придумала», «разведут грязь и убирай за ними», «с помощью детей глаза нам колют».

Детей распределили по подъездам, где они жили, назначили старших, а мы, учителя, ходили из подъезда в подъезд, помогая и подбадривая. Все же люди у нас совестливые, и многие мамы вышли помогать детям: выносили воду, поили и угощали их. Некоторые родители даже затеяли побелку в подъездах. Были вымыты окна, панели. Операция ОПМ закончилась очень поздно, но всеобщим удовольствием. Сохранность подъездов продолжали проверять еще долго, «ответственные» отчитывались на совете дружины.

С задуманными спортивными сооружениями оказалось не так-то просто. Ответственный за быт, заместитель директора кранового завода спросил: «А кто будет платить?» — и отпустил реплику: «Даром только...». А надо было всего четыре столба для качелей, перекладины да немного досок. Выручила лесоторговая база. Обустроили все своими силами.

Но однажды папа одного из малышей отвлекся, и малыш упал с качелей. Разъяренный папа выскочил с пилой и спилил столбы качелей, чем очень обидел ребят. А к скамейкам взрослые дяди — «доминошники» пристроили столик.

Было еще одно начинание в микрорайоне. После сноса частных домов оставалось много плодовых деревьев. Мы решили им помочь: окопали, побелили, организовали полив (ведрами). Радовались, перед домами будет наш сад. В первую весну деревья пышно цвели всем на радость. Потом стали постепенно вымирать. Не хотелось им жить без своих хозяев. Затем построили на этом месте клуб кранового завода (теперь театр).

Операция ОПМ показала, что ребят легко организовать на любое полезное дело. Надо лишь убедить в необходимости, организовать все мажорно и романтично. Не забывать хвалить, поддерживать. Что школа и делала.

# МЫШКИ

Время от времени в школе появлялись мыши. С ними боролись: завхоз и работники санэпидемстанции. То там, то тут среди наглядных пособий и книг находили следы их жизнедеятельности. Иногда встречались пустые аккуратные гнездышки, в которых выводились мышата.

Русский зоолог XIX века М. Н. Богданов назвал мышей и других животных, кормящихся возле человека и его жилья «мирскими захребетниками». Мыши обворовывают человека, портят имущество, несут инфекцию. Быстро размножаются. Но надо признать, что они все же симпатичные зверьки и нравятся детям. Часто в школе можно было увидеть, как возле плинтуса лежит кусочек булочки, коржика или огрызок яблока. Дети угощали мышку, а во время урока, делали вид, что слушают учителя, а сами ждали ее появления. На уроках мышки чаще появлялись из норок. Ну, зашумят мальчики, завизжат девочки, но никто не кидался их ловить. Да и норка рядом, легко улизнуть.

Забавный случай произошел однажды в актовом зале. Оформители-старшеклассники делали росписи на стенах. Третьеклассница Вера затаилась, сидя в кресле. Невдалеке лежала под креслами ее варежка. В варежке — кусочки коржика. По замыслу — в варежку должна была забраться мышка, привлеченная коржиком, но мышка не заинтересовалась варежкой. Старшеклассник-художник Вася узнав в чем проблема, кинулся ловить мышку. Он гонялся за нею довольно долго, перешагивая через спинки кресел. Силы были неравными, мышка устала и затаилась возле одной из ножек кресла. Тут ее и настиг Вася. Посадил в варежку, и мы унесли мышку в варежке домой. Дома посадили в большую банку с подстилочкой, кормом. А чтобы было мышке просторнее, банку положили на бок, на письменный стол, прислонив горлышком к стенке.

Расчет был прост: девочка полюбуется, поухаживает (грызуты забавно едят, умываются, чистят шкурку), потом выпустим. Но мышка решила свою судьбу сама. Она трудилась всю ночь, выгрызла ровный кружочек обоев, но дальше была стена. И тогда она, поднатужившись, отодвинула банку. Утром в банке ее уже не было. Мы ее не видели, но она жила рядом с нами. То тут, то там появлялись следы ее пребывания в квартире. Они,

естественно, нас не очень радовали. Кроме того, карликовый пинчер Лютик, обнаружив мышку в шкафу, отчаянно и громко лаял, призывая нас «принять меры». Конечно же, мышеловку мы не ставили, мышка ведь не просилась к нам в гости, ей и в школе было хорошо. Как-то целый день мы специально держали входную дверь открытой. Скорее всего, ей было беспокойно от нашего песика, и она исчезла, оставив на память сделанную как по циркулю, круглую дырку в обоях. Почему-то мы ее долго не заклеивали, она нас развлекала.

Еще одна забавная история о мышке. Придя утром на работу, я услышала шорох в кабинете. Он исходил из мусорного ведра. Оно было с крышкой и педалью. Когда я открыла крышку, перепуганная мышка забегала по кругу. Ее, попавшую в беду, было жаль. Я вышла в коридор, дежурные старшеклассники уже были на месте. Среди них был Сергей — юноша, доставлявший немало хлопот учителям. Говорун и весельчак. Я его попросила взять ведро с мышью и выпустить зверька во двор школы. «А зачем ведро?», — сказал он, запустил руку и поймал мышь. Полюбовался, сделал ей несколько комплиментов и пошел выполнять задание. Через некоторое время послышались визги девочек во дворе. Вокруг «шоу» собралось довольно много зрителей. На публику Сережа «работать» любил. К школе подошла завуч Анастасия Степановна Кухтенкова, заинтересовалась что происходит, но, увидев в руках Сергея мышь, сказала:

— Фу, гадость, выбрось сейчас же!

— Не могу, нельзя.

— Почему же?

Сергей на полном серьезе отвечает:

— Она из кабинета директора, и мне Надежда Федоровна велела с мышкой погулять.

Анастасия Степановна была так удивлена, что не сразу сказала мне эту историю.

## ЧЕРЕП

Однажды я сильно заболела. После приема у врача, спускаясь по лестнице второй поликлиники, услышала шум на первом этаже. По учительской привычке прислушалась. Шумели дети. Возле кабинета флюорографии их призывала к порядку и тишине классная руководительница Тамара Ивановна Свищева. Я

не могла не подойти. Поговорила с ребятами, не трудно догадаться о чем, попросила не позорить школу, меня и классного руководителя. Надо сказать, что класс Тамаре Ивановне достался трудный, но дети и учительница любили друг друга. И тут, надеюсь в воспитательных целях, она произнесла:

— Если бы вы знали, что они сегодня натворили!

— Что же?

И она поведала, что самые отчаянные ребята принесли в школу человеческий череп, найденный на «островке». Об этом острове скорбят все краеведы и многие камышане. На нем когда-то стоял Троицкий собор, были захоронения. Островок погибал постепенно. От маленькой рощицы оставалось все меньше деревьев. Они сдерживали грунт. Деревьев оставалось девять, потом семь, пять, и последнее дерево и островок исчез совсем. Еще в 60–70-х годах ребята приносили в школу монетки, крестики, найденные на острове. А однажды рассказали историю о том, что нашли там кувшин или бутылку, а, скорее всего, графин из мутного стекла (возможно, над стеклом поработали: время, вода и песок). В графине просматривалось распятие (дети определили: «крест и мужик»). У меня задрожал голос:

— И где же та бутылка?

— Мы заспорили — из чего она сделана и разбили. Оказалось из стекла.

Много лет назад в городе даже объявлялся конкурс на проект по сохранению островка и оформлению памятного знака при въезде в город (по реке). Художники города постарались, но средств так и не нашлось, а, может, сработало безразличие чиновников к истории города? Достопримечательности города — островка уже нет, но дети туда плавали и еще кое-что находили.

Учительница с ужасом и возмущением рассказала, что мальчишки насадили череп на палку, повязали пионерский галстук, бегали с ним по коридорам и пугали всех, заглядывали в классы, срывая уроки. Галстук заставили снять, а вот отобрать череп никто не решился. Согласитесь, не очень приятно прикасаться к смерти. Во мне заговорил краевед: «Где и как нашли, что нашли еще, в каком состоянии череп?..»

Потом я попросила ребят положить череп в шкаф, который стоял в коридорчике музея. Видимо им не хотелось с ним расставаться. И они пообещали его спрятать в надежном

месте, и принести в школу только тогда, когда я после болезни выйду на работу.

Моя встреча с ребятами состоялась примерно через час после беседы в поликлинике. Я еще не успела отдышаться — звонок. Открываю дверь — на пороге три мальчика: Саша, Толя и Женя, а над ними... череп на палке (так они шли по улице). Предложила войти.

— Ну, зачем же так? — сняла череп с палки.

— Не бойтесь? Смотрите, внутри высохшие белые черви и дырки от червей в костях.

— Да, нет же! Внутри высохшие корни многолетней травы. Корешок забрался в череп, разросся, а выбраться не смог. Отверстия сделали не черви. Через них проходили сосуды и нервы к коже головы.

— Можете сказать, чей это череп?

— Мужчины средних лет, зубы в хорошем состоянии, коронки зубов не стерты.

— А кем он был?

— Скорее всего, богатым и уважаемым горожанином; священником или воином.

— А почему вы так думаете?

— Священников и людей достойных хоронили возле самого храма, рядом со стенами или в подклети храма.

Ребят интересовало многое: где нос, почему такие большие глазницы, где нижняя челюсть? Поразило их то, что под кожей головы мы все выглядим точно так же. Потом они согласились со мною, что вели себя плохо. Нельзя глумиться над останками человека.

Родилась идея: а что если собрать останки жителей старого Камышина, которые все еще вымывает вода? Посоветовавшись со священником, решили перезахоронить. Ребята находили еще кости. Прятали их, как им казалось, в «надежных» местах. А где найти надежное место в наших пятиэтажках? Представляете, что испытала мама одного из мальчиков, когда выдвинув нижний ящик шкафа, увидела человеческие кости? Выбросила все. Другие поступили так же. «Лучше бы мы все оставили у вас. Самое надежное место», — сокрушались ребята.

Кто-то возмутится. Как так, больному человеку принесли человеческий череп из захоронения, да еще и так долго заставили говорить о нем, держать в руках. А я всего лишь старалась

понять ребят. Их логика: учителю интересна их находка, ей будет приятно на нее посмотреть сейчас же. Им так хотелось, чтобы хоть кто-то заинтересовался, но не ругал.

И вот они на пороге моей квартиры с черепом на палке. Уходили мальчишки другими, чем пришли. Череп мы прикрыли белой салфеткой, они уже не боялись держать его в руках. Палку, выйдя из подъезда, далеко забросили. Я это видела в окно. Странно, но мое артериальное давление не стало выше. Было ощущение доброго дела.

Когда-то я проводила много экскурсий в школьном музее. Говоря о рождении города, о его многострадальной истории, я старалась образно говорить о том, что эта земля буквально «нашпигована» костями, полита кровью мирных жителей, защитников крепости и города.

Выше Первого участка, где находился песчаный карьер и построены гаражи, в старину было кладбище. Когда рыли траншеи на строительстве тоннеля путепровода, то часто находили кости. Особенно они белели после дождя. Прохожие и не догадывались, что кости — человеческие. Вечером мы ходили с саперными лопатками и на склонах путепровода прикапывали их.

Как радовались камышане, когда узнали, что на самом высоком месте города — на пересечении улиц Ленина и Некрасова решено построить храм во имя Димитрия Солунского. Он стал бы памятником всем тем, кто строил наш город, защищал его, чьи останки покоятся в его земле. Повторяю, не просто церковь для замаливания грехов и просьб к Богу, а памятник. Ведь Небесный покровитель нашего города (в прошлом Дмитриевска) Святой Димитрий в земной жизни тоже был воином. Жаль, что этот проект так и остался на бумаге.

## МУЗЕЙ

Он родился в 1967 году. Потому что был нужен школе. Наша школа была открыта в 1961 году, но и спустя шесть лет все еще считалась «новостройкой». К нам перешли ученики 46-й железнодорожной, несколько классов из 8-й и 11-й школы. Позднее была закрыта 10-я школа (на берегу Камышинки), а затем и 7-я. Естественно, вместе с учениками из разных школ приходили и учителя. Трудно было в такой ситуации учить, воспитывать и особенно налаживать дисциплину. Учителя,



пытаясь сплотить детей, вели кружки, ходили в походы. Из походов приносили множество находок для кабинетов и живого уголка.

Постепенно уходил в прошлое «старый город». В брошенных домах оставалось много домашней утвари уже ненужной в домах-новостройках. Все это приносилось в школу.

В 1966 году мы организовали первую краеведческую конференцию, и на ней было принято: создать школьный музей. Были определены разделы музея, назначены ответственные учителя и классы. Отдан приказ по школе. Закипела работа, жизнь школы стала гораздо интересней. Не только ребята, но и учителя увлеклись поиском. Особенно старались Николай Григорьевич Ефимов, Элеонора Михайловна Шматкова, Галина Семеновна Радченко, Лариса Анатольевна Просандеева и другие. Одна из бывших учениц, Вера Николаевна мне как-то призналась: «Не помню зачем, но мы бежали в школу до смены и после, в выходные дни и праздники. Нам было очень интересно,

всегда в школе что-то происходило».

Появилось общее дело, общая идея, дух соревнования. Кто больше других найдет всего любопытного для музея? Увлечение музеем захватило всех. С гордостью они несли в учительскую







самовары, горшки, утюги, прялки, туеса, серпы. Все это ставилось на огромный стол, покрытый зеленым сукном. Шли рассказы о том, где и как нашли. Чья находка уникальней. Это было хорошее время, мажорное. И оно дало свои положительные результаты. Через год музей можно было открывать. Это стало трудовым подарком к 50-летию Октября.

Открытие назначили на 12 апреля — День Космонавтики. Ведь школе было присвоено имя космонавта Г.С. Титова (ко времени открытия школы № 3, в августе 1961 года Герман Титов находился в космосе).

На открытие были приглашены работники городского музея, ГорОНО, шефы-краностроители, ветераны железнодорожной школы № 46, родители. На общей фотографии все мы еще молоды, и все еще живы. Музей оформили на втором этаже. На конференции всем классам раздали поисковые задания. Началась жизнь музея. Экскурсии, экскурсии... Они побуждали к новым походам, новым поискам. У школы появилось интересное направление в воспитании и общее дело.

Все в музее было сделано своими руками — руками учителей и учащихся. И стенды, и витрины, и мебель, и оформление. Тогда и в мыслях не было приглашать профессионалов-художников и платить за их труд. Мы очень гордились тем, что наш музей — «музей ребячьего и учительского труда». В первые годы

охватывало волнение — а что дальше? Какие поисковые задания будем давать потом? Не наскучат ли экспозиции музея ребятам? Опасения были напрасны. Время, события и знаменательные даты диктовали создание новых разделов, а заданий хватило на 37 лет (до 2005 года). Музей живет и трудится. Его девиз — «Краеведение — путь к познанию Родины».

## РОГА ЛОСЯ

Под руководством Н. Г. Ефимова ребята отправились в многодневный поход в район Щербатовки и Щербаковки. Между этими селами огромный овраг. Не пустынный, а заросший березами и другими лиственными породами деревьев. По дну течет ручей. Не знаю названия, мы его условно назвали «Стремительный». Вода несется с большой скоростью к Волге. Откуда ручей берет свое начало? Мы поразились увиденным. Огромные березы на склоне, а под ними мокрая галька. Стоит ее немного разгрести, и ямка заполняется чистой родниковой водой. От берез и гальки мелкие, еле заметные ручейки сбегают вниз, отчего и образуется Стремительный. Несколько раз измеряли температуру воды. В самые жаркие дни она не превышала и 15 градусов.

Раньше у этого ручья находилось поселение немцев Поволжья. Мы видели фундаменты домов, остатки сводчатых подвалов, одичавшие розы, виноград, вишни, груши.

На закате дня на склоне оврага появлялись лоси и лосиха с лосенком. Очень красиво вырисовывались их силуэты. Завидев нас, они не решались спускаться к воде.

На мертвого лося ребята набрали случайно. У лося были огромные ветвистые красивые рога. Вероятно, перед смертью его мучила жажда. Погоревав, ребята решили голову лося привезти в музей школы. Трудно было ее отделить, но еще труднее доставить в школу. Находку привязали к большой палке. В автобус не втащить, да и запах... Грузовые машины в тех местах были редки. Больше шли пешком. Добирались до Камышина долго. Тащить было тяжело. Еще труднее было превратить такую находку в экспонат музея. Проще всего выварить, но где взять такую емкость? Какие только советы для очистки не использовали, но лишь усиливали запах. В школе уже нечем было дышать. Очистили только ножами и скальпелями. На это ушло

много дней, но добились своего — белый череп лося с огромными рогами был украшением музея, гордостью краеведов. Но главное — какую настойчивость и терпение в достижении цели проявили ребята!

## «ЗАРНИЦА»

В давние времена в городах и селах по всей России — в дни масленицы (февраль-март) устраивались шумные гулянья, потехи, катания с гор. В. Юдин («Дни величальные») пишет: «В поволжских губерниях в дни масленицы парни непременно разыгрывали «штурм» снежного городка, так красочно запечатленного на картине выдающегося русского художника В. И. Сурикова». Вот и мы решили устроить такую забаву для наших ребят...

Свою первую «Зарницу» наша школа провела зимой 1966 года. О «Зарнице» написала «Пионерская правда». Позднее эта игра превратилась в военно-спортивные соревнования, а тогда мы просто организовывали «Взятие снежного городка». Зима выдалась холодная и вьюжная, и в песчаном карьере «строительного материала» было предостаточно.

Соревновались две параллели школьников средних классов. «Городки» строили не один день: укрепляли, улучшали. Наверное, проснулись гены далеких предков — защитников Дмитриевской крепости. Работа захватила не только «строителей».



Нашлось множество помощников и просто зрителей. Опасаясь, что скоро потеплеет, пригреет солнышко, мы спешили назначить день соревнований.

Пригласили курсантов КВСТУ, заготовили знамена. Взрослые вошли на край оврага. Зрелище было чудесным: снег, готовые к сражению крепости, мальчишки, толпы зрителей. По сигналу ракеты начался «бой». Сражались с переменным успехом. Наконец, победила одна из команд. Над крепостью взвился флаг. Всеобщее ликование. Но вдруг, взрыв!

И вот уже курсанты бегут с одним из мальчиков в сторону второй больницы. По очереди несут его на руках. Мы с завучем-организатором Ольгой Ивановной Яньшиной бежим следом, за нами дети. Руки и лицо мальчика были в саже и крови. Первая мысль — глаза.

Когда мы прибежали, курсанты уже сидели на стульях в приемном покое, пытаясь очистить форму. Мальчик находился в руках хирурга. С его глазами было все в порядке — он смотрел. Просто вытирая сажу, наш раненый измазал кровью лицо. Но вот рука... Через некоторое время прибежали родители.

Ребята стояли под стенами приемного покоя. Они рассказали, что взрывпакет принес один из мальчиков. Он его «добыл» у папы (папа военный и рыбак). Мальчишки договорились, что в случае их победы они будут «салютовать». Но снег оказался очень глубоким, и взрывпакет увяз в глубокой лунке...

Через некоторое время вывели к нам пострадавшего. Он был весь в саже. Лицо ему кое-как оттерли. Рука забинтована: на ладонь наложили швы. Сказали, что он держался молодцом, когда «зашивали». Он улыбнулся на похвалу. Нам хотелось узнать, как все произошло.

— Мы победили. Решили взорвать пакет. Бросили. Ждем, а он не взрывается.

— А дальше?

— Мы побежали.

Он повернул ко мне грязную мордашку и посмотрел на меня с гордостью и достоинством.

— Что дальше! Конечно же я добежал первым — хотел посмотреть почему пакет не взорвался, сунул руку в ямку...

— Ты в дурных делах всегда первый, — со вздохом сказала его мама...

Когда я встречаю бывших учеников, то всегда безошибочно узнаю по одному взгляду — «наш». Но, разумеется, не всегда

могу вспомнить, кто же именно. И тогда прошу: «Напомните, пожалуйста, о себе». Иногда одна фраза, жест или одно слово рождают яркие воспоминания. Взрослый мужчина ничего не говорил, только раскрыл ладонь, там был шрам. Большой палец не работал. Мы поговорили, он тепло вспоминал школьные годы и «Зарницу». Заметив, что я расстроилась, сказал:

— Не переживайте, сам виноват. Я приспособился. Только больше уже не воевал.

## ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ

*Следы веков минувших —  
Их время не разрушит —  
Хранят надежно  
Горы, Камышинские Уши.*

Горы Уши — уникальный памятник природы. Он состоит из трех «гор»: две «горы» — Уши, третья — Лоб или Шишанка (чаще ее называют холмом).

Горы Уши — две возвышенности из твердого камня — кварцитового песчаника. Там, где теперь находится наш город и район, 65 миллионов лет назад было теплое мелководное море. Над ним возвышался остров (как раз там, где сейчас Горы Уши). Листья растений прибрежной зоны опадали, их заносило илом и песком. Происходила цементация песка минеральными солями. Вот из этого-то «материала» и состоят глыбы нынешних Гор Ушей.

Местные жители прежде добывали здесь камень. Делали из него мельничные жернова, мостили дороги, использовали в строительстве. А в начале строительства камышинского хлопчатобумажного комбината тоже добывали камень, производились взрывные работы. Потом варварская добыча камня была прекращена.

В 1980 году решением Камышинского городского исполкома народных депутатов горы были объявлены памятником природы республиканского значения, и на памятник природы «Горы Уши» оформили паспорт. Сейчас «горы» — это нагромождение каменных глыб, отвесных скал, глубоких пещер. Относительная их высота — 40–60 метров. С древнейших времен мимо Гор Ушей проходил волок, переволока — по которой пе-



ретаскивали суда с Иловли на Волгу и в обратном направлении. Иловля — приток Дона. Таким образом, осуществлялись перевозки между реками Волга и Дон и двумя морями — Каспийским и Черным.

Такое большое вступление я сделала для того, чтобы стало ясно, с какой радостью воспринимали дети автобусные экскурсии на Горы Уши. Благодаря этим поездкам и походам к знаменитому урочищу расширялся кругозор школьников, их знания о крае, в котором они живут. Вначале мы их везли к Горам Ушам. В автобусе рассказывалась удивительная история этих «гор». Мы знали, что на самих Ушах уже невозможно будет что-либо говорить. Они бегали, лазали, заглядывали в каждую расщелинку, чувствуя себя первооткрывателями.

Мы просили их быть осторожными. Можно было встретить степную гадюку, греющуюся на камнях, либо спрятавшуюся от жары в расщелине. Возможная опасность будоражила воображение ребят. Любую палку или корень они принимали за змею. Им приятно было волноваться, а потом рассказывать друзьям о встрече с «гадюкой». А настоящие гадюки прятались в надежных местах.

Потом подъезжали к «горе» Шишанка. Отдыхая на краю оврага,

съедали домашние бутерброды. И начиналась работа. Какая? Да разная. Николай Григорьевич Ефимов выезжал с ребятами не только для сбора отпечатков древних растений, но и для того, чтобы поставить плакаты с призывами — сохранить и защитить памятник природы мирового значения. Кроме того, они собирали, сжигали и закапывали мусор, оставленный тут горестуристами.

Весьма эффективными были выезды с ребятами младших классов, группами продленного дня. Они обследовали каждый камешек, у них бывали и удачные находки. Одна была просто замечательной. Камень овальной формы в руках вдруг распался на две половинки, ученик даже испугался — «сло-мал». Но на половинках было настоящее чудо — лист магнолии, вернее его «отпечатки». На одной половинке был оттиск верхней, а на другой — нижняя сторона листа. Ребята старательно искали камни с трещинами, но ничего подобного больше не находили. Из сказок и жизни мы знаем, что чудеса случаются редко. Много отпечатков находили на склонах ямок, которые вымывают ручейки талых вод. Палеофлора Гор Ушей весьма разнообразна. Например, древесно-кустарниковые породы субтропической зоны: магнолиевые, лавровые, каш-





танодубы. Это свидетельствует о том, что климат был мягким, теплым и влажным.

На склоне Шишанки есть пещера, которая много лет привлекает любопытных «кладоискателей». Впервые мы увидели холм, а под ним спуск и черный лист металла. Под нижним краем металлической заслонки входа уже был прорыт лаз. Буквально на животах ребята спускались вниз и заглядывали в черную дыру. У нас были только спички и огрызок свечи. Казалось, вот-вот мы увидим вход в пещеру. Старожилы рассказывали, что раньше ходы были, что в пещерах обитали люди и прятали награбленное разбойники. Возможно, на Горах Ушах были устроены «караулы», своеобразные «уши», которые чутко следили за Волгой, за переволокой и сообщали разбойникам, сидящим в засаде об обозах, проходивших по суше, о судах, медленно передвигавшихся по реке... Но, увы, за первым стальным щитом был второй. Говорят, что вход закрыли во время добычи камня для строительства ХБК.

И еще одна встреча с пещерой. Уже несколько лет мы не могли выйти на ее след. Ориентиром являлся холм над ней. А холма-то уже и не было. «Кладоискатели» его просто срыли.



Они проникли в пещеру за щитами. Видимо несколько лет трудились. Вокруг валялись кирки и лопаты со сломанными черенками, куски железа. Трудились видно еще долго. Надо учесть, что когда сняли верхний слой земли, то остался совсем тонкий слой, он рухнул вниз, и снова вход оказался закрытым. Грунт приходилось уже извлекать изнутри. Но, видно, ребята были упорные.

Однажды мы организовали на Горы Уши экскурсию с целью сбора материалов и доставки в подарок городскому музею глыбы со множеством разных отпечатков. Причем полных, четких, хорошей сохранности. Таких было около восьми. Другие — в виде фрагментов. Выбрали для этой миссии девятый класс. В нем учились рослые мальчишки, настоящие краеведы. Глыбу мы присмотрели на одной из экскурсий. Казалось бы все просто: кати ее с горы. Но на пути лежали такие же глыбы, и их надо было «обходить». С каким азартом это делали ребята! Одолев очередное препятствие, они издавали ликующие возгласы, отдыхали и снова, выбрав оптимальный путь, катили глыбу. Было опасение, что пострадают оттиски листьев древних растений. Ничего подобного, они оказались надежно отпечатанными природой.

Водитель автобуса вначале ворчал, что мы злоупотребляем временем. Его рабочий день давно закончился, но в процессе работы он увлекся и стал помогать ребятам, привез даже питьевой воды.





Наконец-то наша драгоценная находка на дороге. А что дальше? Ее, конечно, не украдут, но вдруг начнут откалывать отпечатки с помощью молотка и зубила? Глыбу мы перевернули ценными отпечатками к земле, и камень стал похож на множество других камней. Надо было его как-то пометить, однако ни карандаш, ни ручка для этой цели не подходили. И тогда наш экскурсовод Валентина Федоровна Судакова достала губную помаду и пометила нашу находку, чем вызвала множество шуток среди ребят.

На следующий день с утра я уже была в кабинете главного инженера кранового завода Владимира Михайловича Малюка. Он всегда помогал школе, поэтому я без предисловий выпалила:

— Владимир Михайлович, мне срочно нужен автокран!

— Только и всего?— с удивлением и не без юмора спросил он.

Я рассказала о ценности нашей находки, и как ее мы добывали.

— Сейчас вам будет автокран с водителем и стропальщиком, они справятся.

По дороге я рассказывала рабочим о Горах Ушах, Шишанке, об истории этих мест, отпечатках растений, которые росли 70–60 миллионов лет назад. Слушали с большим интересом. Мужчины определили вес нашего «камешка» — 400–500 кг. Очень умело его погрузили и отвезли в городской музей. Выгрузили во дворе. А дальше? Камень прикрыли досками, ведь от дождя и снега он может разрушиться, и музейщики не знали, где определить ему место в здании.

Помню, как во время путешествия по Волге, в музее одного из городов я увидела такую же глыбу с отпечатками. Она была буквально отполирована руками посетителей. К вечности прикоснуться хотелось всем. Это ведь не кусочки камня за стеклом витрин. Это реальность и нет таблички «Руками не трогать!». Пусть трогают! Но нашу находку до сих пор никто не видит.

История с камнем имела продолжение. Появилась заметка в «Ленинском знамени» — благодарность учащимся школы № 3 за ценный подарок городскому музею. Однако через несколько дней раздался телефонный звонок из Волгограда из Общества охраны памятников. Гневный голос отчитал меня и В. Ф. Судakovу за то, что мы... нарушили Закон об охране памятников природы. Пригрозили, что мы будем отвечать по всей строгости. Потребовали от нас объяснительную записку. Написали. Из нашего объяснения следовало, что мы глыбу с отпечатками как бы даже и спасли. Она, мол, свалилась на проезжую дорогу и люди, не зная ее ценности, могли просто столкнуть в овраг, который находился по другую сторону дороги...

Нашим учащимся из поколения в поколение была свойственна увлеченность историей и палеонтологией — в частности. Есть в школьном музее ценный экспонат — рог бизона. Его принес наш бывший кружковец-краевед Николай. Он приходил вместе с дочкой и очень огорчился не застав никого в музее. Свою находку оставил в кабинете завучей. Уборщице довольно большой и тяжелый предмет мешал мыть полы, и она его задвинула под шкаф. Несколько лет он пролежал там. Во время ремонта его обнаружили, посчитали ненужной корягой и велели отнести на мусорку. Ребятам было тяжело нести, и они его сбросили из окна второго этажа.

Проходя по коридору первого этажа, я заметила странный предмет. После дождя он блестел и был явно не корягой, и не камнем. Я попросила его принести. Когда на пороге появился школьник с «находкой», я пришла в восторг. Из рассказа ученика: «Директор так обрадовалась, так обрадовалась. Взяла в руки грязный камень и положила на стол. Сказала, что это рог бизона и рассказала про них. Потом похвалила меня, подарила значок». Он гордился значком как медалью. Значок был «Общества охраны природы».

В нашей школе работали замечательные и увлеченные учителя. Один из них — историк Альберт Александрович Федоров.



На краеведческих конференциях подарки школьному музею от его класса всегда были уникальными и самыми большими (плуг, швейная машинка «Зингер» и другое).

Несколько лет назад А. А. Федоров и Юрий Юрьевич Скуряев (директор и историк) со своим классом подарили нашему музею огромные окаменелости стволов деревьев. Откуда взяли? Отец одного из учеников работал на экскаваторе в песчаном карьере.

В карьере добывали песок для стеклотарного завода. Чистый, ослепительно белый, как сахар. Карьер очень глубокий, до 150 метров. Тянется он вплоть до Нижней Добринки, а начало берет в районе Гор Ушей. Карьер таит множество погребенных в песке окаменелостей беспозвоночных животных и растений. Ковш наткнулся на окаменевшие стволы. Ребята с учителями несколько дней их «добывали», трудились вручную. Потом доставили в школу. На первом этаже был оборудован уголок палеонтологии. На стеллажах лежали окаменелости и отпечатки, рисунки и краткие тексты о далеком прошлом нашего края. Подумать только: 65 миллионов лет назад... Окаменевшие стволы кипарисов как бы выросли из песка, привезенного из карьера. На песке лежали другие находки из карьера.

Экскурсия «из далекого прошлого родного края» проводилась в помещении музея у стенда «По путям развития жизни»

и у шкафа, специально сделанного для показа наиболее ценных мелких окаменелостей и отпечатков (подарок выпускного класса, классный руководитель Виктория Игоревна Пехтелева). Продолжалась экскурсия в уголке палеонтологии на первом этаже.

Заканчивая экскурсию, мы просили ребят быть внимательными. В щебне, в гравии, в песке, на берегу реки можно найти много интересного. Приносили много камешков, иногда попадалось и что-то ценное. Главное, к детским находкам надо относиться с уважением, поддерживать в них любознательность, стремление к поиску.

## НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ

Николай Григорьевич Ефимов мечтал сделать для музея диораму «Стоянка неандертальцев». Ребятам его кружка идея понравилась. Работали с увлечением. Изготовили проволочные каркасы будущих неандертальцев (очень удобно, надежно и «человечкам» можно было придать любую позу). Работа была поручена мальчикам. Для фигурок использовался пластилин, потом предполагалось отделать их масляными красками.

Ненадолго Николай Григорьевич отлучился. Меня привлекли шум и ликующие возгласы, которые неслись из кабинета биологии. Открыв дверь, я увидела, что мальчики играют в «войну». В руках у ребят были фигурки неандертальцев, изрядно помятые и перемазанные красной краской. «Бой» шел не на жизнь, а на смерть. Какое-то время я стояла в оцепенении, меня даже не заметили. «Неандертальцы» дрались, а ребята озвучивали сцену боя... Мне стало жаль испорченную работу и краски, в то время дефицитные и дорогие (я их привозила из Москвы).

Вошел учитель. Я никогда не видела его в таком гневе и поняла, что будет мужской разговор, а потому ушла. Мой сын — Сергей был в числе «сражавшихся». Николай Григорьевич выгнал их из кружка. Мальчишки любили кружок, и он стоил того. Очень долго они не могли заслужить прощения. Советовались со мной, а я отвечала: «Николай Григорьевич прав!»

Много лет спустя, мы воплотили мечту Н. Г. Ефимова — сделали диораму. Это был большой ящик на ножках. На уровне глаз раскрывалась картина: пещера, лес, костер и фигурки неандертальцев. Диорама имела несколько планов, благодаря параллельно установленным стеклам, на которых были нарисованы

деревья, горы. «Костер» подсвечивала лампочка, над ним вилась «дымок». «Стоянку неандертальцев» мы возили на выставку в Волгоград. Она была сделана надежно, и ничего не повредили. Привезли грамоту.

Диорама стала как бы знаковым экспонатом музея. Спустя несколько лет, во время реконструкции музея после потопа в помещении четвертого этажа, было отключено отопление. И мы возрождали музей в ужасном холоде, ребята попросили: «А можно мы будем пить чай с неандертальцами?» Погасили свет и «зажгли» костер в диораме. Стол поставили рядом. Согреваясь от чая, ребята фантазировали, будто от костра. Жалели неандертальцев, им было еще холоднее, чем нам. Они же без одежды и чая. После вечера встреч с выпускниками по просьбе ребят мы всегда пили чай с неандертальцами. Это был ритуал, очень милый сердцу.

В связи с диорамой вспоминается и такой случай. Было уже очень поздно. Всем хотелось согреться чаем. Но, припасы закончились. Был только кипяток и несколько кусков недоеденного днем черного хлеба. Пришлось предложить ребятам посыпать черный хлеб кусочками эльтонской соли и запивать кипятком. В свое время глыбу с озера Эльтон привез кружок юных географов, который много путешествовал с Татьяной Павловной Харченко. Ребята часто вспоминали тот чай. И говорили, что пробовали пить дома: «Совсем не то, без неандертальцев, без соли эльтонской, и не в музее».

## ПАЛЬЧИК

Сбор металлолома подходил к концу. Ребята хорошо потрудились, обошлось без происшествий. Закончился рабочий день, подводились итоги. Это было важно. Деньги, перечисленные за металлолом, были «пионерскими». Дружина могла расходовать их на свои нужды.

Открылась дверь, и завели девочку младших классов. Она помогала катить железную болванку, и ей придавило мизинчик. Ногтевая фаланга пальца была раздавлена. Забинтовали, как могли, всю ручку. Девочку усадили в кресло, вызвали «скорую». Перепуганная и перепачканная девочка сидела в уголке, напоминая воробушка. Я села в кресло, усадила ее на колени, крепко прижала к себе. Мокрым полотенцем стала оттирать следы

крови и грязи. Чувствуя, как ей больно, старалась отвлечь разговорами о том, что надо потерпеть, что «скорая» — это не страшно, сделают перевязку и все. Успокаивала даже тем, что на мизинчике ведь колечки не носят, а все другие пальчики не пострадали. «Скорой» все не было, я уже не знала, что и говорить. Ясно было, что часть пальчика ампутируют. Мне было нехорошо самой.

Вдруг девочка повернула ко мне свое личико. Тронула здоровой ручкой мою щеку и сказала: «Не плачьте, мне не очень больно, я потерплю!». Вот тут и мне в пору было заплакать.

## ФОРМА

Много лет идут споры о школьной форме: быть или не быть и какой она должна быть? Пожалуй, реформы и новые программы принимались легче. Со сменой возраста отношение к форме менялось. У первоклассников она вызывала благоговейное восхищение. Все новое — все красивое, но главное — новый период в жизни, новое звание — «школьник», повышенное внимание взрослых.

Для выпускников школьная форма имела уже другое содержание — прощание со школой, безоблачным детством и тревогой. А что же дальше?..

Глядя на выпускников, на ум приходили стихи Леонида Мартынова:





*«Какие хорошие выросли дети!  
У них удивительно ясные лица!  
Должно быть, им легче живется на свете.  
Им проще пробиться, им легче добиться.  
Положим, они говорят, что труднее:  
Экзамены, всякие конкурсы эти,  
Быть, может, и верно, им, детям виднее.  
Но очень хорошие выросли дети.  
Конечно, задорные эти ребята,  
А впрочем, по множеству признаков судя,  
Мы сами таким же были когда-то  
И нас не смирение вывело в люди».*

Подростковый возраст самый трудный во всех отношениях. О нем много сказано, но Инна Лиснянская прекрасно охарактеризовала его в стихотворении «Подростки».

*Пора такая.  
Все в ознобе —  
Подростки рвутся из квартир  
И каждый в собственной особе  
Особый открывает мир:  
Особые потенциалы,  
Особый звук,  
Особый цвет...*



*Подростки!  
Их инициалы  
Везде —  
Где можно и где нет.  
Надуты, как шары, их шарфы.  
Они глядят во все века,  
Беспомощные,  
Как жирафы,  
Но как жирафы,  
Свысока.  
Эпохи  
Самоутвержденья.  
Неосторожный,  
Не коснись!  
Еще поспеет к ним прозреньё,  
Что каждый — это только жизнь.*

Вспоминается форма (не школьная) учащихся одного из старших классов — голубые рубашки и галстуки. Ребят попросили одеться именно так. Им было разрешено, поскольку они, по своему внутреннему содержанию, уже выросли из традиционной школьной формы. Ими умело руководила Зинаида Яковлевна





Спирова — энергичная и молодая душой. Однажды она тоже пришла на работу в голубой рубашке, как у ребят класса. Ребята были в восторге. Этот класс и их классный руководитель запомнились не только формой. В свободное время они здорово поработали в мастерских школы под руководством Григория Степановича Тумко — преподавателя труда.

Стенды для музея, витрины, столы были сделаны руками учеников и учителя. Такой трудовой подарок они приготовили школе перед своим выпуском. Надо сказать, что хороших пиломатериалов тогда не было, средств для их приобретения тоже. Договорились с межрайбазой убрать территорию, а все, что подберем, отдадут нам. Упаковочных досок, поломанных ящиков, обрезков и горбыля — набралась целая машина. Из всех этих бросовых материалов, и был сделан трудовой подарок. Другие классы следовали примеру класса З. Я. Спировой. Покупать подарки школе за родительские деньги было не принято.

Военрук школы Евгений Владимирович Таболин, организовывая дежурство, одевал ребят в единую форму — рубашки военного образца. На рукаве — красная повязка. И сразу же отношение дежурных к «службе» изменилось. Ребята стали серьезными, требовательными, ответственными. И попробуй, нарушитель, их послушаться!

Клубом «Юных моряков» руководил старшеклассник Сергей «боцман» (прозвище) был влюблен в море. Формы не было, но



ребята стремились, чтобы под рубашкой было хоть что-то в сине-белую горизонтальную полоску, а уж счастьем было иметь настоящую тельняшку (сейчас бы не было проблем, все можно купить). В «Кубрике» (недействующем туалете на четвертом этаже) был порядок. А уж как любили мыть полы настоящей корабельной шваброй! И с удовольствием мыли коридор на четвертом этаже.

Отряд «пограничников» имел на рукавах эмблему с силуэтом головы овчарки. А в школьном военизированном лагере «Соколенок» повседневно ребята ходили в белых майках, черных трусах (шортов не было еще и в помине), а на построение выходили в клетчатых рубашках. Отрядом руководил солдат — Валерий Данилов. Он служил вместе с собакой Астой — красавицей и умницей. Несколько мальчиков из отряда тоже обзавелись собаками. И под руководством В. Данилова их тренировали. В лагере была своя пограничная застава. Над нею развевался флаг, а на нем красовалась все та же эмблема — силуэт головы овчарки. На заставе дежурили днем и ночью. В лагере проживали пятьдесят мальчишек (отбирали самых трудных). Они приучались к дисциплине, закалялись и мужали.

Была своя форма и эмблема у нашего школьного лесничества и у спортивно-трудового лагеря «Звездный».

Ребята за форму: если есть смысл.

## ЖИВОЙ УГОЛОК

Какие только животные не обитали в нашем живом уголке! Рыбки плавали в нескольких аквариумах, которые стояли на

демонстрационном столе и на стеллажах. Птички и другие мелкие животные в клетках и террариумах обитали в лаборантской. Более крупные — в соседнем помещении. Свободно гуляли по кабинету ежик и черепаха. Ежика ребята особенно любили. Он облюбовал себе место под большим демонстрационным столом. Там ел, спал и прятался. Ребята говорили, что у него там гнездо. Если ребята отвлекались на уроке, учитель грозился убрать ежика. Но сделать это было невозможно, почуяв опасность зверек скрывался под низким столом в своем «гнезде». Где в данный момент находится ежик, под чьим столом угощается лакомством, догадаться было трудно. И ребята своим видом явно показывали, что очень внимательно слушают учителя. А ежик хрустел и чавкал.

Мои уроки в понедельник всегда ставили первыми (после линейки). За воскресенье ежик доедал свои запасы и в понедельник, естественно, был голоден. И если мы забывали принести ему еду, он «возмущался» весьма своеобразно. Оббежав ряды столов и не найдя угощения, он вымещал обиду на мне, точнее на моих французских туфлях на шпильке. Он хватал зубами каблук и дергал его. Я знала, что каблук металлический, и все же... А вдруг за ногу? Резким движением я отбрасывала ежика, шурша иголками он откатывался и снова бросался на мои каблуки. И так много раз. Пришлось объяснить ребятам, почему я так странно себя веду. У ежика выработался условный рефлекс — после атаки на мои каблуки я посылала кого-нибудь в буфет или в кабинет за забытым угощением. Впрочем, потом ребята регулярно приносили ему пропитание. Ежик им доверял: разрешал брать себя на руки, даже позволял гладить животик.

В лаборантской в клетке жил филин-подранок. Его принес один из родителей. Ребята ласково называли его Филей. Он был очень красивый. Особенно поражали глаза, огромные янтарного цвета. Филе хорошо жилось. Рядом со школой находился мясной магазин, где можно было купить (иногда и так давали) кусочки легких, печени, обрезки мяса. Во время общения с ребятами филин забавно поворачивал голову или томно прикрывал веки. Еще одно его развлечение — открывать клетку. Как бы ребята не завязывали веревочки или не закручивали проволоку, Филя рано утром гулял по лаборантской. Но спокойно возвращался в клетку, чтобы опять всю ночь развязывать или раскручивать запоры. Это ребят забавляло.

Однажды Филя впал в немилость. Его возненавидели. Когда в понедельник открылась дверь кабинета биологии, мы пришли в ужас: перевернутые горшки с цветами, портреты ученых-биологов висели криво, несколько стульев лежали на боку. А над доской на портрете Ильича сидел в гордой позе Филя. Все стало ясно: кто-то не закрыл на щеколду дверь в лаборантскую. Но самое страшное — растерзанный ежик. Он не успел добежать до своего укрытия.

Я не пыталась оправдывать Филю, но объясняла — с точки зрения природных явлений. Ежика ребята похоронили, а Филю... Как его только ни обзывали! Не хотели кормить, убирать в клетке. Решили, что его надо отпустить на волю, он уже нормально летал. Отнесли его в ближайшие посадки. Через три дня Филю в мешке принес один из родителей, он его поймал без особого труда. Ребята отнесли филина еще дальше. Но спустя несколько дней он важно вышагивал возле школы, явился к началу первой смены. Но ребята не смогли ему простить гибель ежика и в третий раз отвезли его на машине подальше от школы и выпустили в лесу.

## ПЕТИЦИЯ

Именно так называли свое коллективное заявление-протест учащиеся выпускного класса. Молча положили на стол большой лист бумаги и удалились. Крупными буквами был написан заголовок «Петиция». Она была написана пространно и грамотно. Были фразы о произволе, насилии над личностью, о праве выбора.

В чем же суть? Мальчишки поголовно стали отрывать козырьки на своих шапках-ушанках (большой отворот спереди, обычно он был пришит). Понятно, когда у нынешних бейсболок такой большой козырек, он прикрывает глаза от солнца, а что прикрывать зимой?

В то время часто младшие донашивали то, что не доносили старшие. Детей не очень баловали. Доставшиеся по наследству великоватые ушанки и так глубоко сидели на ушах, и закрывали лоб, козырек же болтался (вязаные шапки носили тогда только девочки). Таким образом, фасон ушанки был изуродован, лица почти не было видно. Кроме того, это вредило зрению, но мода есть мода. А любители болтающихся козырьков

отрывали их даже у тех, кто не желал иметь такую шапку. Родители старались пришить козырек покрепче, но тогда страдали шапки во время отрывания козырьков. Были приняты репрессивные меры. На входе в вестибюль стояли преподаватели труда Л. С. Митрофанов и А. И. Плотников. Учеников с нормальными шапками отправляли направо, а нарушителей — налево, где мальчишек уже встречали преподаватели домоводства с нитками, иглками и ножницами. На выходе мужчины снова проверяли, надежно ли пришиты козырьки. Многие мальчики совсем не умели шить, а может, и хитрили. Некоторых возвращали раза по три. Процедуру пришивания козырьков повторяли еще пару раз и все.

Сложнее было со старшеклассниками. Почти никто из них уже не глумился над своими шапками, но они ведь и подали петицию. Надо было отвечать. И пришлось серьезно подготовиться и рассказать об истории головных уборов, о традиции прикрывать голову у разных народов, в зависимости от климатических условий, рода деятельности и т. п. Откуда же наши мальчишки переняли «моду» ходить с оторванными козырьками? С большим трудом, в то время не так уж много издавалось журналов, были найдены фотографии мужчин в финских шапках. меховые с маленьким козырьком и отогнутыми вверх краями. Красиво и спортивно. А русскими ушанками мы вправе гордиться. Они вместе с полушубками и валенками помогли сохранить нашим солдатам здоровье и выиграть войну.

В конце беседы выпускники все же согласились, что другого способа, вернуть ушанкам прежний вид, не было. И вряд ли захочется снова отрывать козырьки, пришитые с таким трудом и собственными руками. Жирная «точка» была поставлена в этой истории самими выпускниками.

Приближались новогодние праздники. Готовилась программа. Но какой же новый год без Деда Мороза и Снегурочки. После трехкратного призыва: «Дедушка Мороз, ау...» на сцену вышел «дедушка». Зал буквально взорвался от хохота. Без палки, без традиционного красного полушубка, без валенок явился молодой элегантный, очень модный юноша. Одет он был в духе времени: узкие брюки, узконосая обувь, полупальто сиреневого цвета с воротником — «шалька», на голове финская шапка. Под смех и аплодисменты Виктор прошелся по сцене, как на показе мод. Потом рассказал, что старенький Дедушка Мороз поехал к

малышам, а его прислал к взрослым. Они ведь все равно не верят в подлинность старичка. И прилетел он на ковре-самолете. Молодой Мороз многое еще рассказывал. Да, кстати, бородка с усиками были короткие (еще не успели отрости как у «деда»). Потом позвали Снегурочку. Ждали с нетерпением, встретили без смеха, а только аплодисментами. Таня была очаровательна: в бело-голубом осовремененном костюме. Вдвоем они и вели программу.

## АВТОМАТ

Молодой мужчина очень приветливо поздоровался, и мы остановились на перекрестке. Я уже догадалась — бывший ученик. Но разве узнаешь — кто?

Он произнес:

— Я скажу только одно слово, и вы все вспомните — автомат.

За этим словом стояли столько переживаний, длившихся ровно сутки и имевших для меня неприятные последствия.

Из оружейной комнаты похитили автомат. Уже не помню подробностей расследования, но мы с военруком Эльварием Петровичем Вержбовским серьезно вели дознание. Вереницей проходили перед нами ребята. Они нас запутывали, как могли. Им было легче, чем нам. За дверью они встречались, и все обговаривали. А нам необходимо было вернуть автомат. Если его не будет на месте через двадцать четыре часа, я должна была доложить о ЧП заведующему ГорОНО В. К. Шевченко.

Шел двадцать пятый час. Расследование подходило к концу. ЧП почти было раскрыто, оставалось только чтобы автомат положили перед нами на стол. Была уже ночь, и я позвонила. Иначе было нельзя. И в этот же час автомат был у нас. Над номером изрядно потрудились напильником, но все же он сохранился. Утром все мальчишки знали о том, как прошло расследование, кто и что говорил. Ребята были в восторге, и в заключение сказали, что и «воры» и «сыщики» были на высоте.

Мы вспоминали подробности этого происшествия. Мой собеседник признался, что номер спиливал именно он.

— Вы извините нас, мальчишек, мы увлеклись «разбирательством», затянули игру. Мы же не знали, что вы доложили только через двадцать четыре часа. А когда узнали, что еще и выговор получили от Облоно, очень сожалели, что не признались

до того, как прошли сутки.

Со словами извинения и прощения мы расстались. А продолжение той истории? Оно длилось целый год. Наш случай с автоматом вспоминали на всех совещаниях (в назидание другим).

## ЦИРК В ШКОЛЕ

Каких только новогодних программ мы не придумывали! Много было весьма оригинальных. Но вот цирка еще не было — осенило нас однажды. Разумеется, пародийного, смешного. Ответственным за это дело назначили класс Ольги Павловны Евсеевой. Учащиеся активные, предприимчивые, легко подхватывающие новые идеи. При подготовке программы много шутили, подбирали «цирковую» музыку, различные варианты показа «номеров».

Вот несколько примеров. «Инспектор манежа» с пафосом объявляет:

— Эквилибрист на проволоке.

Выходит исполнитель. А где же проволока? Он достает мел и через всю сцену рисует черту на полу. Нерешительно становится на нарисованную «проволоку» и играет: с опаской идет, балансирует, чуть не упал, но удержался (зрители даже облегченно вздыхают). Канатоходец уже дошел до середины сцены. Тихонько льется музыка «Цыганочки», потом мелодия звучит в полную силу, и наш артист, забыв про меловую линию на полу, пошел плясать кругами. Под аплодисменты он «опомнился», вернулся к своему «смертельному» номеру и дошел до кулис.

«Силач» был смешон с самого начала. Он вышел горделивой походкой под мелодию «Выходят на арену силачи», демонстрируя могучие плечи и бицепсы (под футболкой у него были надутые шарики). Два человека подносили ему «тяжести» (бутафорские). Он их «с трудом» поднимал. «Инспектор манежа» подошел, похвалил, хлопнул по плечу. Шарик стал медленно выпускать воздух. «Силач» стоял в растерянности, а на сцену выбежал маленький мальчик и играючи поднял «тяжести».

Какой же цирк без дрессированных животных? Был у нас номер с собачкой. Вышла на сцену очень нарядная «дама» с собачкой-болонкой и «дрессировщик». Если на репетициях собачка еще какие-то номера показывала, то почувствовав дыхание



зала она стремилась только к одному — залезть «на ручки» к хозяйке. От дрессировщика она бежала через всю сцену к хозяйке. Держа на руках собачку, дрессировщик перепрыгивал преграду и кольцо, пролезал между ножками стула. Было очень забавно.

А потом награда — колечко колбаски. Дрессировщик и собачка ели вместе, откусывая по очереди. Много было и других номеров, заимствованных или придуманных нами. Были жонглеры, гимнасты, танцы «на льду». Как-то при встрече один из выпускников сказал: «А помните, как мы чуть не сожгли школу...» Еще бы!

Тогда еще не было таких средств, как петарды. Бенгальские огни продавались редко. Фейерверки мы видели лишь на набережной и только по большим праздникам. А так хотелось показать в конце программы нечто. И как всегда ребята нашли выход.

Одному из них отец дал три картонных патрончика, на которых было написано «Сигнал бедствия на воде». Мы горели желанием попробовать спецэффекты на репетиции. На всякий случай приготовили «кошму» — старое одеяло и ведро с водой. Вначале был красивый «фейерверк», потом он все сильнее разгорался. Искры стали прожигать краску пола. Кто-то крикнул:

— Гаси, брось в ведро!

«Сигналу» этого только и надо было. Погасли искры и повалил черный дым столбом. На воде он бы поднялся высоко в небо и был бы далеко виден, у нас же он стелился черным облаком под потолком. Накрыли ведро кошмой, но дым «выползал» из-под нее. Двери закрыли, чтобы не сеять панику в школе, форточку не открывали, чтобы не приехали пожарные. Перепуганные сидели и ждали, потом убрали зал от копоти. На выступлении обошлись без фейерверка, использовали серпантин и конфетти.

## ЖЕНЯ

Не стану называть его фамилию, но когда в автобусе ко мне подошел солидный мужчина и назвавшись, познакомил с женой и двумя ребятами. Я была искренне рада его благополучию. А в школе он был в числе трудных подростков. На его счету числилось немало проделок.

В то время школа была переполнена, работали в три смены.

Даже пропускная способность туалетов не выдерживала. Младших ребят отпускали во время уроков. А тут ЧП — кто-то бьет унитазы. Один, второй, третий. С сантехникой в те годы было очень сложно. На третьем унитазе злоумышленника изловили нянечки. Им был Женя. Женина мама — строитель, много работала, надо было содержать семью. Конечно же, она не хотела, чтобы дело передали в милицию, а нам надо было восстановить разрушенное. Мама все поняла верно, и после внушительных затрещин увела Женю.

Через несколько дней между сменами можно было наблюдать такую картину: с мешком за плечами шел Женя. В мешке, разумеется, был унитаз. В руках мамы была хворостина, она хлестала сына приговаривая:

— Что тяжело? А мне работать на вас, думаешь легко? Стыдно? А мне думаешь за тебя не стыдно? Да еще я без обеда осталась, в обеденный перерыв иду с тобой в школу.

Мама обращалась и к толпе ребят:

— Ваши родители работают, а вы все крушите? Среди вас много таких как мой?

Она говорила эмоционально и громко. Это было не только наказанием для ее сына, но и уроком для других учеников. Таким же способом был возвращен школе второй унитаз (уже без хворостины). Третий мы простили.

Однажды из школьного военизированного лагеря «Соколенок» Женя исчез. Мы не спешили его искать, понимая, что он где-то здесь. Ему нравилось в лагере, но тяготила строгая дисциплина. Мальчишки куда-то относили еду, но куда? Все раскрылось однажды ночью. Раздался дикий крик. Мы проснулись. Крик доносился из оврага. Осветили фонариком его дно — под деревом сидит перепуганный Женя. На высоком дереве было его «гнездо». Он там ночевал. Ему что-то страшное приснилось, и он свалился. Отделался царапинами. Больше не исчезал.

Пристанищем курильщиков в школе был мужской туалет на третьем этаже. Дежурили. Задержанных решили проучить.

Пригласили Женю и других мальчишек. Решение пришло как-то само собой:

— Нас не интересуют фамилии, но ты, Женя, знаешь всех. Собери бригаду и будет справедливо, если вы отремонтируете туалет. Ты — бригадир.

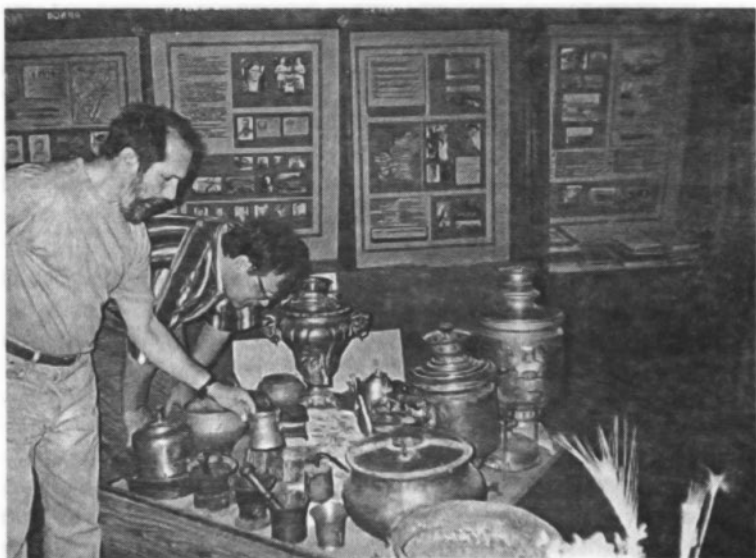
Мы, взрослые старались не вмешиваться, все необходимое

для работы дали. Помогли (по просьбе мальчишек) родители. Краскопультom побелили потолок. Ребята зачищали стены, штукатурили, красили. Грязи развели по щиколотку. Сами же и убрали. Трудились несколько дней. Взрослые не забыли их похвалить. Потом эти же ребята порядок и поддерживали.

## ГИРЬКА

Пожалуй, это был один из любимых экспонатов школьного музея. Среди весов разных систем и больших гирь стояла маленькая гирька на один фунт. Кругленькая с колечком наверху. Ее любили брать в руки, надевать колечко на палец. От ребячьих рук гирька отполировалась. В нашем музее не было табличек «руками не трогать». Вещи так долго служили людям, что детские руки вряд ли могли им навредить. Каждую перемену в музей приходили ребята. Никогда ничего не пропадало, не ломалось.

Была зима, рано темнело. Я собралась уходить и по привычке оглядела все вокруг. Гирька исчезла... А ведь на перемене с ней играли. Не поверила своим глазам, еще и еще все осмотрела. Сняла пальто и пошла по классам. Наверное, говорила горячо и очень взволнованно. Говорила о том, что всегда доверяла



ребятам, никогда не следила за ними. И что в этот день не просто пропала гирька, пропало доверие. И приходиться в музей теперь можно будет только с экскурсией, что меня не интересует кто взял, просто я прошу ребят убедить того, кто взял — вернуть. Иначе отношения станут иными.

Пройдя все классы с подобным разговором, я вернулась в музей и долго не могла успокоиться. Наконец, решила, что пора идти домой, оделась. У порога, на коврик стояла гирька. А на следующий день, как всегда двери музея были открыты. Толпа ребят в коридоре рассуждала о том, что теперь им уже не поверят и просто так войти нельзя. Я со счастливой улыбкой вышла к ребятам и сказала: «Гирька вернулась, вернулось и доверие. Заходите!»

## КОЛЕЧКО

Был канун 8 Марта. Как всегда день был суетный. Школа была наполнена радостью от добрых пожеланий. Нарядные учителя. Мальчишки не в меру шумные, довольные собой от произнесенных поздравлений и сделанных девочкам подарков. А девочки, счастливые от оказанного внимания, демонстрировали подаренные им игрушки. Всеобщий подъем и ликование. Какие уж тут уроки! Их сократили...

Почти все уже разошлись, я тоже собиралась домой. Дверь моего кабинета была открыта. На пороге появился мужчина, поздоровался. Подумалось, что вряд ли в такой день пришел кто-то без дела.

— Проходите, садитесь, слушаю вас.

— Я шел мимо, думаю, дай зайду, посмотрю на школу. Давно не видел.

— Вы ведь у нас учились? И где вы сейчас?

— Я только вчера вышел из заключения, отсидел уже два срока. Сколько в этом кабинете вы меня прорабатывали! Не слушался, дурак, думал обойдется. Все было нипочем.

— А в третий раз не случится?

— Нет, поумнел. Да и нельзя мне. Нет здоровья.

— А что же со здоровьем?

Вид у него был болезненный. Он молча расстегнул свою клетчатую рубашку, под нею был из толстой коричневой кожи корсет.

— Позвоночник не держит, без корсета не могу.

— А что, кроме вас никого в школе нет?

— Так ведь завтра 8 Марта, всех отпустили раньше.

— Как же я забыл, явился без единого цветочка, хоть бы на клумбе веточку сорвал. Смотрю у вас на столе цветы и не догадался, что завтра праздник. А вообще-то я не ожидал, что вы меня пригласите в кабинет, думал, что и говорить не захотите. Хотел походить по школе, если не прогонят, и уйти.

Он делился воспоминаниями, спрашивал об учителях, одноклассниках. Вдруг засуетился и стал снимать с пальца колечко. Он его тянул, вращал, палец посинел.

— Остановитесь, что вы делаете, оторвете палец! Оставьте колечко в покое.

— Я хочу вам его подарить. Ведь праздник, а у меня больше ничего нет.

Я потеряла дар речи. Надо было найти верное решение.

— Оба срока колечко было с вами? И вам, наверное, подарила его девушка. Вы храните его как память о чувствах, которые не сберегли? У меня на руках кольцо и перстень. Они тоже памятные. Не снимать же их. Мне дорого ваше внимание и желание сделать мне подарок, но пусть ваше колечко останется у вас, тем более, что расставаться с вами оно не хочет.

Убедила! Поблагодарила за добрую память о школе. Пожелала благополучия в новой жизни. Жаль, что о дальнейшей его судьбе я ничего не знаю.

## **МУЗЕЙ (ВОЗРОЖДЕНИЕ)**

Очередной день рождения нашего музея в 1977 году оказался юбилейным. Ему исполнялось 10 лет. В школе учились уже 1892 человека. Занимались в три смены, поэтому мы и решили освободить помещение на втором этаже, перевели музей на четвертый, совместив его с кинобудкой (в то время мы создавали школьный кинотеатр).

Все было готово, оставалось только все расставить по местам и заполнить стенды. Стенды были из металлических уголков. На уроках труда ребята делали заготовки, а сварочные работы шли в новом помещении музея. Огромный труд в оборудование музея вложили преподаватели Александр Михайлович Малюк и Александр Иванович Плотников, Николай Федорович Морозов и Лев Степанович Митрофанов. Подготовка к юбилейной конференции 12 апреля началась сразу после зимних кани-



кул. Времени было достаточно. Но случилась трагедия. На чердаке, над музеем прорвалась труба отопления. Когда мы пришли в школу, горячая вода уже успела залить левое крыло здания — кабинеты химии, биологии, истории и... музей. Принесенные из старого помещения и сложенные здесь экспонаты были залиты кипятком. Ужас!

Ребята с большим пониманием отнеслись к беде: собирали





воду, куски обвалившейся штукатурки. Из музея выносили все, что еще можно было спасти. В актовом зале раскладывали для просушки на креслах (актовый не пострадал и там было тепло). Трудились в полумраке, электричество отключили в целях безопасности. На планшетах все, что было написано и нарисовано «поплыло». Рисовать и писать все пришлось заново.

Мы понимали, что времени у нас оставалось очень мало. Отопление в музее отключили. Стекла в окнах и пол сразу по-





крылись ледяной коркой. Шефы с кранового завода прислали бригаду строителей, начали ремонт в музее. Кабинеты же восстанавливали своими силами. Наши замечательные ребята, приученные к труду, взяли на себя всю тяжелую и грязную работу: выносили строительный мусор, поднимали на четвертый этаж раствор, доски.

А художники-оформители и краеведы трудились над экспонатами: чистили, сушили, делали новые планшеты. На фоне всех наших бед радовало одно — все получалось лучше, чем было. Только бы успеть к сроку!

Тогда мы и задумали сделать еще две новые большие диорамы. Ради этого отправились в лесопитомник, чтобы сфотографировать уголки природы, которые хотелось показать в диорамах. Нашли поваленные сосну и березку. Набрали разных трав, шишек, веток. Тащили на себе. Все могло пригодиться. Возле автостанции с трудом уговорили водителя грузовика отвезти наши «дрова» и нас в школу. Платить было нечем, а зимой рано темнеет, уже смеркалось. Ребята наперебой рассказывали водителю о музее, о наших проблемах. К счастью, он оказался молодым (недавно окончил школу), посочувствовал и сжалился.

Мы трудились с первой смены и заканчивали работу после окончания второй. Учителя обещали позаниматься с ребятами-«музейщиками» дополнительно и принять у них зачеты. Вечером



приходили родители. Сначала сердились, что ребят нет дома, но, узнав, что они заняты делом, беспокоились о том, что дети их голодны. Из буфета нам приносили банку молока, оставшуюся от «бесплатного». Родители несли пирожки, блины, закатку. Чай пили у «костра» с неандертальцами. Все относились к нашему труду не только с уважением, но и с повышенным вниманием.

Когда оформлялась большая диорама, ребята спорили и каждый доказывал, что знает, где именно находится в окрестностях города этот уголок. Мы им не возражали, не уточняли, ведь образ-то был собирательный. Диораму мы «населили» птицами, рыбами в заливчике, насекомыми, грибами.

Во время экскурсий (когда уже открыли музей) от привычного уголка природы, изображенного в диораме переходили к рассказу о геологическом прошлом нашего края. Ведь все окаменелости, отпечатки — следы древней жизни были собраны нами на нашей же земле. Дальше рассказывали о происхождении человека, современной географии края, полезных ископаемых и т. д.

Вся эта экспозиция давала возможность провести 3–4 урока по «Общей биологии» в старших классах. Потом ребята писали творческие работы: «На примерах экспонатов школьного музея докажите, что смена одних форм жизни другими была неизбежна». Охотно писали, а чтобы получить высокую оценку, часто приходили в музей. Работали увлеченно,



делали зарисовки.

С благодарностью вспоминаю ребят, возродивших музей — Галина Самойлова, Сергей Чеботарев, Татьяна Милько, Наталья Пономарева, Сергей Чегодаев и другие.

Между тем, ремонт был закончен, оттаяли окна, включили отопление. Доски пола, высыхая, «вздыбились», как говорил Григорий Степанович Тумко. Он выровнял их рубанком. Мы заполнили витрины и вставили стекла в их дверцы. К 12 апреля ценой огромного труда все было готово.

В новом помещении музея много трудились — Евдокия Петровна Верголасова, Татьяна Павловна Харченко, Мария Павловна Сушкова. Возрождение музея было огромным испытанием для учителей и учащихся, всего коллектива. Мы его выдержали!

## ШКОЛЬНЫЙ КИНОТЕАТР

Он появился в школе, во-первых, потому, что в этом была необходимость. Во-вторых, его рождению помогло стечение ряда обстоятельств.

Первое (о необходимости). В огромном районе школы ребятам негде было проводить свой досуг. Снесли клуб железнодорожников. Кинотеатр «Победа» находился тогда на ремонте. Школа, только школа проводила массу всевозможных развлекательно-воспитательных мероприятий. Ближние школы в то время еще не были построены, а в нашей обучались более 1800 учащихся. Мы с помощью стареньких киноаппаратов «Школьник» и «Украина» устраивали «киносеансы» в помещении, где проводились дискотеки. Но все это было «не то».

Второе (благоприятное обстоятельство). Городской кинопроектор терпел убытки по показу фильмов и предложил поставить свою киноаппаратуру в актовом зале нашей школы. В зрительном зале держать аппаратуру было нельзя. Отгородили от музея часть помещения для киновудки. По всей школе собрали «лишнюю» мебель. Закупили тюки плотной ткани (громадные окна надо было затемнить). Преподаватели домоводства Екатерина Тихоновна Гринева, Анна Матвеевна Короткова и Екатерина Николаевна Тихоненкова с девочками выполнили трудную работу по пошиву штор. На всю сцену был закреплен огромный экран.

Мы стали показывать широкоэкранные кинофильмы. На полставки приняли киномеханика. Очень плохо смотрелась в нашем зале мебель: стулья, табуретки. Мы в шутку называли — «мебель ассорти». Все было разное, не прикрепленное к полу. Нарушались ряды и дисциплина тоже.

Счастливую весть принес Альберт Александрович Федоров, что в кинотеатре «Победа» ставят новые кресла, а старые «срывают» гвоздодерами. Поскольку их списывали, то никто уже не заботился об их сохранности. Поэтому фанерные спинки и сиденья отделяли от металлических ножек, и все это лежало большими навалами. Водителям грузовиков было все равно, куда их везти, и они сгрузили возле нашей школы. Горы фрагментов кресел лежали в актовом зале. Трудно было поверить, что из всего этого можно будет что-то собрать. Победил энтузиазм А. А. Федорова, терпение и работоспособность преподавателей трудового обучения и учащихся.

Все недостающие крепления были выточены в наших мастерских. А когда установили первые два ряда, мы все, причастные к этой затее, уселись очень счастливые, оценили работу, как стоящую. Дальше сборка кресел из «хлама» пошла быстрее. А когда кресла еще и покрасили, зал преобразился. Кинотеатр выручал долгие годы.

Много лет потолок зала украшала очень большая люстра «под старину» на восемь рожков. Но из кинотеатра «Победа» нам привезли огромное двойное кольцо с рожками для плафонов. Стекла восстановили, проводку сменили, покрасили. Люстра была очень тяжелая, и трудовики закрепили ее на чердаке за балку перекрытия.

Была в нашей школе страсть — искать выход из любой ситуации, давать вторую жизнь старым вещам, многое делать своими руками. Школа была по-настоящему трудовая. Это было очень хлопотное дело — иметь кинотеатр. Благодаря терпению и настойчивости завуча-организатора Нины Ивановны Неретиной сеансы стали регулярными, тщательно отбирались фильмы в соответствии с возрастом, интересами, программным материалом по литературе, истории.

С окончанием строительства клуба кранового завода необходимость в школьном кинотеатре отпала. Но он работал в нужное время и был создан нашим коллективом.

## КЛАД

Каких только историй не случается в жизни школы! Вот одна из них.

Позвонила кассирша из ближайшего магазина. Ребята набрали много ручек, карандашей, резинок, блокнотов и пришли платить в кассу. В кассу подали двадцатипятирублевую купюру. По тем временам — денежка большая. Как они потом сами удивлялись, непросто оказалось ее истратить. Набрали всяких мелочей, еще и сдача полагалась. Разбираться направили Константина Евгеньевича Ситникова, ребята были из его класса. Сначала объяснение ребят о том, что они нашли клад (они так находку называли для солидности) было **не слишком** правдоподобным. Впрочем, все по порядку.

Известно, что дети очень любят строить шалаши, избышки в укромных местах, устраивать себе «лежбища». Жить своим таинственным, романтическим и загадочным миром. Строить ничего не пришлось. Ребята облюбовали довольно просторный колодец теплотрассы. Однажды кто-то сбросил в колодец мешок. Конечно же ребята из него все вытряхнули. В мешке были старые мужские вещи — ничего интересного. Они сгодились только для того, чтобы постелить на пол. Ребята предположили, что скончался одинокий старичок. Новые хозяева квартиры или дома оставили что-то, а все ненужное сложили в мешок и выбросили. Почему в колодец теплотрассы? Надеялись, что возможно вещи найдут бродяги, а им это может пригодиться. А в колодце поселились наши ребята.

Среди вещей — несколько старых книг и тетрадок. В колодце было тепло. Стояла ранняя весна и отопление еще не отключили. Все же ребятам захотелось развести костерок. Ветки и щепки закончились, в ход пошли старые книжки. Потом бросили в огонь общую тетрадь (по химии, уточнили мальчишки). Тетрадь не горела, листки ее слежались. Стали вырывать их и бросать в огонь. Выпала 25-рублевая купюра, тетрадь стали листать. Нашли крупные и мелкие купюры. Обрадовались, теперь ведь можно жить припеваючи. Но не просто детям потратить большие деньги. И от долгого хранения в пару теплотрассы особенно 25-рублевые купюры стали блеклыми, а их сиреневые отпечатки остались на листах тетради. Примут ли их в кассе? И еще, ребятам было как-то не по себе от сокрытия находки, и

они отдали деньги Константину Евгеньевичу.

К. Е. Ситников принес рулончиком свернутые деньги и сказал: — Положите в сейф и тратьте на нужды школы.

— Нет, тратить подождем, надо написать заявление в милицию о находке.

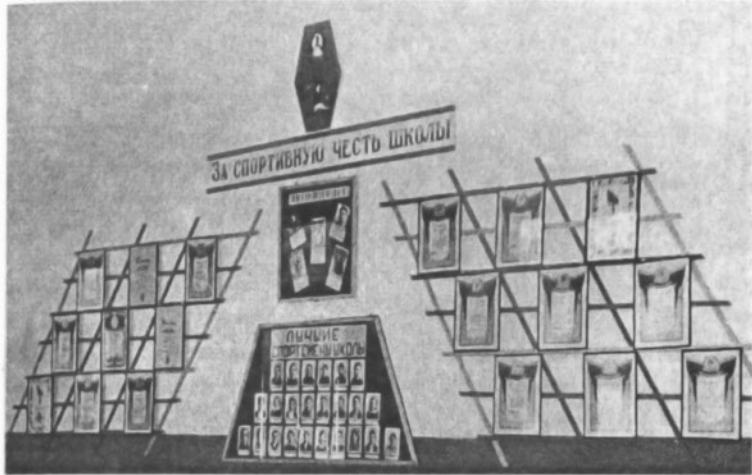
Так и решили. Прошел определенный срок, позвонили из милиции: «Можете тратить на нужды школы». Сначала поехали в банк, было ясно, что в кассе не примут такие деньги. В банке подтвердили их подлинность и выдали новые. И, конечно, все удивлялись истории денег, которую мы рассказывали. Поговорили с родителями, посоветовались с ребятами и купили телевизор. В бухгалтерию пришлось писать объяснительную с просьбой: оприходовать телевизор. О находке ребят и покупке телевизора рассказали на линейке. Ребятам вручили грамоты.

## ОФОРМИТЕЛИ

Огромное здание с серыми стенами выглядело однообразно и скучно. Очень хотелось его украсить. Н. Г. Ефимов рассадил много комнатных растений и не только в горшках, но и в специально-сделанных ящиках. Ребята охотно за ними ухаживали. Много разнообразной цветущей зелени было и в классах. Но нам очень хотелось оживить пустые стены, но средств на стенды и на приглашение художников-оформителей не было.

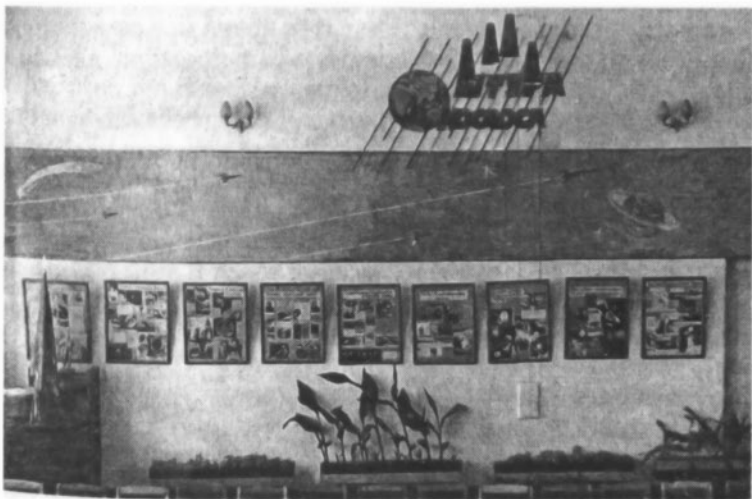
Отважились рисовать прямо на стенах. Гуашь и кисточки стоили недорого, «художники» были свои. Если что и не получилось бы, легко можно было смыть водой. Начали с третьего эта-





жа, где располагались начальные классы. Каждый класс выбрал себе тему (позднее они служили основой для поисковых заданий).

На втором этаже появилась живописное панно «Космос». Увлечение темой того времени «Штурм Космоса» находило отражение в материалах газет о новых достижениях в области космонавтики. Застекленные рамки для монтажей готовились заранее в мастерских. К потолку подвешивались макеты





спутников, а позднее — космических пилотируемых кораблей. Все это вызывало очень живой интерес у ребят.

Многие стенды делались из реек. Тогда это было модно и совпадало с нашими возможностями. В то время моя семья много путешествовала. Из поездок привозились фотографии, зарисовки, появлялись новые идеи оформления. Много лет спустя выяснилось, что преподаватели труда дали мне прозвище «Идея». Порой они сетовали на то, что я слишком загружаю их, но все они были творческими личностями. Им не нравилось, обучая ребят, превращать ценные материалы в стружки и опилки. Если уж учить приемам обработки металла и древесины, то пусть рождаются полезные, а порой и красивые вещи. В этом они умели убедить и ребят.

Как-то во время летних каникул с утра мы с ребятами занимались оформлением класса на третьем этаже. Оно было посвящено Сталинградской битве. Составили эскиз, приготовили краски. Но тут позвонили из ГорОНО:

— Встречайте, А. М. Стариков везет гостей из Волгограда. Покажите школу и оформление по-новому.

Гости обрадовались и радушной встрече, и прохладе нашего вестибюля. Прямо перед входом висел большой стенд объявлений — «У нас в школе». Рассказ о стенде, его удобстве и пользе, старший по чину прервал словами:

— Вестибюль надо оформить как положено!

— А как?

— Ребят встречать должен портрет Владимира Ильича или космонавта, имя которого носит школа.

— Большой портрет Ильича здесь был, но мы его перенесли в пионерскую, — заметила я.

— Он должен быть здесь!

— Простите, что возражаю, но портрет моего папы я никогда не повесила бы там, где вытирают ноги...

В то время улица Некрасова еще не была покрыта асфальтом, он был только вокруг школы. Весь песок и грязь с окрестных улиц ребята приносили в школу, как бы старательно ни чистили обувь. Иметь вторую обувь — не всем было по карману. Нянечки выметали и мыли вестибюль непрерывно. Много раз я видела как они тряпкой сметали пыль с портрета, обмывали комнатные растения от пыли. Все это выглядело несколько неуважительно к портрету, и ему нашли вполне подходящее место. Несколько удрученные первым замечанием волгоградские гости отправились дальше.

Стена «Штурм космоса» понравилась. Ну а за оформление нескольких комнат начальных классов третьего этажа мы были спокойны. Там было все в порядке. Понравилась роспись на стене «Украсим Родину садами» в классе Екатерины Дмитриевны Чегодаевой. В центре композиции — симпатичные дети сажают деревья. По сторонам — сюжетные картины об охране природы и полезной деятельности ребят. Гораздо позже, через несколько лет в этом же классе появился стенд «Кем быть?». Мы этим оформлением гордились. Прекрасно выполненные планшеты, на тему выбора профессии, занимали целую стену. Их сделал выпускник школы, ныне профессиональный художник — сын Екатерины Дмитриевны — Сергей. Наши гости посмотрели еще пару классов. Надо бы уже повернуть назад, а гости пошли дальше.

В полном изумлении остановились у класса, где мы только собирались рисовать. Довольные ребята уже «управились». От пола до потолка был нарисован черной краской огромный факел. Под потолком «развевалось» ярко-красное пламя. На





белой стене это выглядело чудовищно. Я только вымолвила: «Ребята, вы поторопились! Я же просила без меня не начинать». И уже обратилась к гостям: «Ничего, краски гуашевые, легко смываются, все переделаем». На это «легко» ушло три дня. В первый — смывали стены и отмывали полы, на второй день снова мыли (красную и черную краски убрать не так-то просто), на третий — белили стены. В дальнейшем «художники» подходили к стенам и краскам с осторожностью. Были удачи и неудачи, но бесспорно одно — ребятам это нравилось.

«Гуашь легко смывается», именно это свойство нас однажды очень огорчило. Мы решили украсить росписью скучный коридор при входе в кабинет биологии. Сделали роспись: от карниза спускались вниз ветви деревьев, на них сидели птички, и все — на фоне голубого неба. Трудились несколько дней. Получилось удачно. Закончили поздно вечером, сожалея, что от единственной лампочки исходит очень тусклый свет. Уходить домой не хотелось, долго любовались своей работой. Утешали себя тем, что завтра при дневном свете — это будет «нечто».

На следующий день художники пришли раньше всех. С волнением подошли к кабинету биологии. Увидели зеленые подтеки на стене и разноцветную лужу на полу — засорился туалет на третьем этаже. Больше этот коридор никогда и не оформля-

ли. Но иногда все же вспоминали и ветви, и кленовые листья, и птичек. И как удачно — без переделок шла работа. Жаль, что картину никто не видел.

У меня есть большая папка, а в ней эскизы, разные картинки, наброски всего того, что когда-то использовали в оформлении школы. Когда-то ребята любили их перебирать и даже среди красочных пятен искали отпечатки своих пальцев. Картинки перепачканы, они ведь были в работе.

Интерес и опыт оформительства не прошли бесследно. Многие стали профессиональными художниками, другие творят красоту для души.

## ПЛАЩ

Историю напомнил виновник пропажи плаща. В моду тогда входили светлые плащи из плотной водоотталкивающей ткани. Главное — они были сшиты красиво: с кокетками, поясами, хорошими пуговицами и пряжками. В продаже были не только взрослые, но и детские плащи. Некоторые сыновья состоятельных родителей уже щеголяли в таких плащах. Вдруг у одного ученика обновка исчезла. Те, кто работал с детьми знают, что как правило, удастся расследовать кражи. Мальчик, взявший плащ признался, рассказав, что вынес плащ из школы, и потом спрятал его под камнями (белый плащ, пакетов тогда не было) возле шлакобетонных барачков.

Через несколько дней мальчик принес плащ маме. Мама поверила, что сын нашел плащ. А почему бы и нет? Всякое бывает... Однако, мама все же перешила пуговицы и подшила другими нитками подкладку. После признания мальчика и разбирательства, маме предложили пострадавшему ученику купить новый плащ, а перешитый оставить своему сыну.

Взрослый человек признался, что был благодарен нам, потому что мечтал о плаще. Ему бы его никогда не купили. Пусть было стыдно, пусть плащ уже не новый, но он был счастлив. И все было сделано, как он сказал «по справедливости».

## ФИНКА

Это воспоминание относится к тому времени, когда в районе школы не было ни одного учреждения культуры. Ярко

освещенные окна четвертого этажа нашей школы были далеко видны, да еще и музыка гремела. К школе стекалась молодежь отовсюду. Школа была переполнена. Но мы всех своих знали в лицо.

Обычно в вестибюле дежурили: директор, организатор, военрук, дежурный учитель. Многие из толпы молодежи умоляли нас пропустить их. Среди ребят были и бывшие ученики (часто недоучившиеся), учащиеся ближайшего ПТУ и ребята из других школ. Надо понять молодежь, ведь кроме желанья потанцевать им хотелось встретиться с друзьями и подругами. Дружеские отношения складывались не обязательно в школе, но и в микрорайоне, городе. Честно говоря, мы сочувствовали ребятам, очень уж им хотелось попасть в школу.

Потом мы предупредили старшеклассников, что если они хотят пригласить кого-то из своих друзей, пусть встречают и провожают под свою ответственность. Это было удачное решение. Гости перестали приходить навеселе. «Извини, от тебя пахнет спиртным и ты неопрятно одет. Нашим девочкам будет неприятно с тобой танцевать. Приходи в следующий раз!». Как-то все быстро наладилось, на входе ребята показывали белые воротнички своих рубашек и спиртным от них не пахло.

С теми, кто знал наши правила, проблем не было. Но иногда приходили совсем чужие. Они ломались в двери, пытались попасть в школу через окна, грозили нам. Однажды такая компания, пошумев на крыльце, исчезла. Со сторожем мы решили обойти первый этаж и подвал, предварительно погасив свет. Вышли к запасному выходу из подвала. Открыли первую дверь, вошли в маленький тамбур. В наружной двери отсутствовала филенка, собрались открыть засов.

Вдруг над нашими головами что-то пролетело. Подняла голову — в противоположной двери торчала финка. Самая настоящая. Сторож ее извлек из двери, а я сказала:

— Вот теперь мы точно вызовем милицию!

Ребята ждать не стали, исчезли. Финка ночь пролежала в сейфе, а утром о происшествии мы рассказали ребятам. Финку отдали в нашу мастерскую, а там ее превратили в обычный нож. Много лет художники-оформители затачивали ею карандаши, открывали краски, резали хлеб. И рассказывали непосвященным историю ножа.

# ЦЫГАН

Подростковый возраст — период физиологического и психологического переустройства. Ребята самоутверждаются. Поэтому они совершают множество поступков, порой непонятных взрослым, спорят, доказывают, вступают в конфликты.

Со старшеклассником Сергеем, юношей из интеллигентной, уважаемой семьи конфликт затянулся. Ни родители, ни учителя не могли его убедить привести прическу в порядок. Сейчас многие юноши носят длинные волосы, но за ними нужен уход. Огромная копна неопрятных вьющихся волос была на его голове.

— Когда же ты подстрижешься?

— После Нового года. Я приду на маскарад в костюме цыгана. Для того и отращиваю волосы.

Мы решили ждать. А что делать? Конечно, на Новый год никакого костюма не было. А копна волос осталась.

— Сергей, ты не сдержал своего слова, как-то это нехорошо.

— После каникул сдержу!

После каникул мы всегда встречали учащихся в вестибюле. В дверях произошла какая-то заминка — вошел Сергей с одноклассниками. Все смотрели на нас, взрослых. Что-то должно было произойти... С победоносным видом юноша снял шапку. Перед нами предстал совершенно неузнаваемый ученик. Синюшно-белая голова. Все было рассчитано на бурную реакцию взрослых. Так все выглядело комично, что я расхохоталась. Со мной смеялись все остальные.

Перестав смеяться, я серьезно сказала:

— Спасибо, что ты выполнил наши требования. Зачем же под «нулевку», зимой ведь холодно.

Шапку он носил в руках и надевал ее, когда не видели учителя. Ему было неуютно и холодно, но слово свое он сдержал.

Когда стали отрастать волосы он стал симпатичным парнем, и это заметили.

## ХОР МАЛЬЧИКОВ

В школе всегда уделялось особенное внимание воспитанию мальчиков. Это касалось учащихся среднего и старшего возраста. А в хоре мальчиков, который мы создали в школе, пели



ребята 1—4 классов. Этот хор был организован по инициативе преподавателя музыкального училища — дирижера Татьяны Викторовны Сухобай. Человеком она была инициативным, требовательным, талантливым. Организация работы хорового коллектива лежала на плечах Евгении Давыдовны Вахнер, Нины Ивановны Неретиной и учителей начальных классов. Вся работа шла на общественных началах. Помогали студенты-практиканты музыкального училища и заинтересованные родители.

Результат упорной работы — хор из пятидесяти мальчиков. Руководителей вдохновлял опыт композитора Георгия Александровича Струве, который создал хоровую студию в городе Железнодорожном. Наш хор выступал не только на сценических площадках Камышина, но и в Саратове, Волгограде, Москве. Конечно, не просто было организовывать поездки с такими малыми ребятами. Постоянно их пересчитывали, поили, кормили.

А однажды в Саратове после спектакля в цирке не досчитались четверых учеников. Смеркалось, пора было ехать в Камышин, водитель нервничал. Взрослые вернулись в цирк. Думали, вдруг кто-то из наших задремал, или они пошли посмотреть за кулисы зверей, или, или... Ребят не было... Целый час обыскивали цирк, звали... А они, оказывается, стояли в очереди за лимонадом.

В Камышин приехали ночью. У вокзала встречали родители. Двух мальчиков опять не досчитались. Вместе с родителями мы бегали по домам, где ребята могли бы заночевать (к родствен-

никам или друзьям). Оставалась одна надежда — бабушка, которая жила в районе автостанции. Меня уговорили пойти домой. Спасибо, что в четыре часа утра ко мне пришли, чтобы успокоить. Ребята тихонько ускользнули вместе со взрослыми пассажирами и пошли ночевать к бабушке. Нам пришлось пережить много волнений с хором мальчиков. Но как они пели!

Забавный случай произошел с нами в Москве. Очень широко отмечался двойной юбилей — день рождения Г. А. Струве и 25-летие его хоровой студии. Откуда только не приезжали гости. В стране в то время насчитывалось около ста хоровых студий. Это были последователи Г. А. Струве: руководители студий, целые хоровые коллективы. Торжество происходило в зале консерватории. Огромный зал был полон, в фойе — толпы желающих поздравить.

Мальчиков своих мы не привезли — не было средств. Поехали втроем: я — как директор школы, Т. В. Сухобай — руководитель студии и камышинская поэтесса Анна Михайловна Тарасова. Распорядители отдавали предпочтение большим коллективам, а нам сказали: «Далеко не отходите, будет заминка, выпустим вас». Заминка произошла: чьи-то уставшие дети разбрелись.

Надо заметить, что в концертном зале не было занавеса и кулис. С темной винтовой лестницы на ярко освещенную сцену выходили из боковой двери. Еще на выходе торжественно прозвучал голос ведущей: «Георгия Александровича приветствует хор мальчиков из города Камышина!» Нас сзади подтолкнули, и мы прошествовали навстречу улыбающемуся Г. А. Струве. Зал взорвался хохотом. Смеялась не только молодежь, но и почтенная артистическая и преподавательская публика первых рядов. Мероприятие длилось уже довольно долго, все устали. Когда вместо объявленного хора мальчиков явились «три грации» — повод для разрядки.

Выступить с речью было невозможно — продолжали бы смеяться. И тут у меня сработала учительская привычка. Как потом выяснилось, слова ведущей слышала только я. Пришлось пройти на авансцену и в микрофон обратиться в зал:

— Вы правы — действительно смешно. Конечно, мы не хор и тем более не мальчики. Верно одно — из Камышина. Есть такой город на Волге — город текстильщиков и машиностроителей, а еще вы, наверное, ели наши замечательные арбузы. Однако к

хору мальчиков мы имеем прямое отношение. Разрешите представить: Т. В. Сухобай — дирижер, А. М. Тарасова — поэтесса, композитор, Н. Ф. Романенко — директор школы.

Затем наша поэтесса читала стихи, посвященные юбиляру, а Т. В. Сухобай зачитала приветственный адрес. И, наконец, мы вручили памятную медаль из желтого металла величиной с блюдце. На ней — знаменательные даты и посвящение. Медаль была на коричневой бархатной ленте. Георгию Александровичу она понравилась, и наш подарок не снимал до конца торжества.

Мы вернулись из Москвы после торжества, полные идей и планов. А главное — поняли, что мы на правильном пути. Привезли не только богатые впечатления, но и программу для дальнейшей работы.

Наш хор держался на энтузиазме всех, кто им занимался. Было трудно, но нам это нравилось. Позднее хор перевели на платную основу — ряды мальчиков поредели. Кроме того, мальчики подросли, и у них стали меняться голоса. По семейным обстоятельствам уехала из города Т. В. Сухобай. Но хор работал, и свою роль, (причем не малую) в эстетическом воспитании школьников он сыграл.

## АНДРЕЙ

Он приехал в Камышин из Москвы. Там ему грозила колония. У него было много друзей, таких же предоставленных самим себе подростков, склонных к правонарушениям. У интеллигентных загруженных работой родителей вырос подросток, на которого уже не было управы. Предварительно посоветовавшись со мной семья Ильи Григорьевича и Евгении Константиновны Осико забрала Андрея в Камышин. Его личное дело я не показывала никому, оно так и пролежало в ящике стола. Жизнь Андрея в нашей школе начиналась с «чистого листа». Так хотелось нам, взрослым. Андрей же показывал свою независимость и неуправляемость, обзавелся такими же друзьями, каких оставил в Москве. По характеру он был мягким, добрым, совестливым. Про таких говорят: «Без числа грешит и без конца кается». Нужен был жесткий контроль. А еще требовалось огромное терпение близких.

В семье была бабушка-педагог Пакра Назаровна и две двоюродные сестрички Таня и Оля — отличницы, ученицы нашей шко-

лы. Одно время мы боялись, что Андрей сбежит в Москву. Но ему нравилось, что его окружали заботой и вниманием, а требования, и он это понимал, были справедливы. Сестрички делали с ним уроки, тетя разрешала конфликты, а бабушка внимательно слушала и вкусно кормила. Большой радостью в семье были положительные оценки, которые стал получать Андрей. Одноклассники его любили, учителя были снисходительны. Много внимания своему ученику уделяла классный руководитель Нина Прокофьевна Шаповалова. Все понимали, что Андрею надо помочь, и для его же блага он должен остаться в Камышине.

Конечно же не все было гладко. Время от времени Андрей проявлял себя в той или иной истории. Одна из них запомнилась особенно. На уроке физики прозвучал взрыв. Дым клубился над последней скамейкой в конце класса. В сиденье скамейки зияла дыра. К счастью на ней никто не сидел. Долго не могли разобраться, чьих рук это дело. Собрали общее собрание и пригласили администрацию. Много говорили, но все безрезультатно. И тогда было сказано примерно следующее: «Ясно, что кто-то не подумал о последствиях. Хотелось всех напугать и сорвать урок. Плохо, но терпимо. А представьте себе, что кто-то сидел бы на этом месте. Допустим не убило бы. Но на какие страдания была бы обречена девочка, которая потом не смогла бы стать матерью. Или юноша, который бы потом не смог жениться. Вы уже изучали анатомию и физиологию человека, и можете себе это представить».

Конечно, краски сгущали, но так надо было. Пока говорили, я пристально смотрела в глаза каждому. И в заключение: «Все честно смотрят мне в глаза, пока никто не отвел их в сторону, не опустил. И тот, кто совершил такую подлость, тоже смотрит мне в глаза. Вместо того чтобы признаться и извиниться. Проще трусливо прятаться». Из-за последнего стола среднего ряда вышел ученик и пошел прямо ко мне. Я узнала Андрея. Не сообразив, спросила:

— А ты что?

— Это сделал я! Ладно, вставай, иди сюда, — обратился он к кому-то.

Я в изнеможении опустила на стул, пальцами сжала виски. А к нам уже шел второй ученик. Я даже предположить не могла. С Андреем все так хорошо налаживалось. Произнесла только одно слово: «Рассказывайте!». В таких случаях, как правило,



ребята сами связно объяснить что-либо не могут. Вместе с классной руководительницей мы стали задавать вопросы. Беседа пошла. Выходка Андрея никого — кроме меня не удивила, а вот второй юноша... Когда Андрей подружился с этим учеником, семья Андрея очень радовалась. Владимир любил физику, хорошо учился, был комсоргом. Правда, увлекался пиротехникой. Они вдвоем соорудили «бомбочку» и ее испытали.

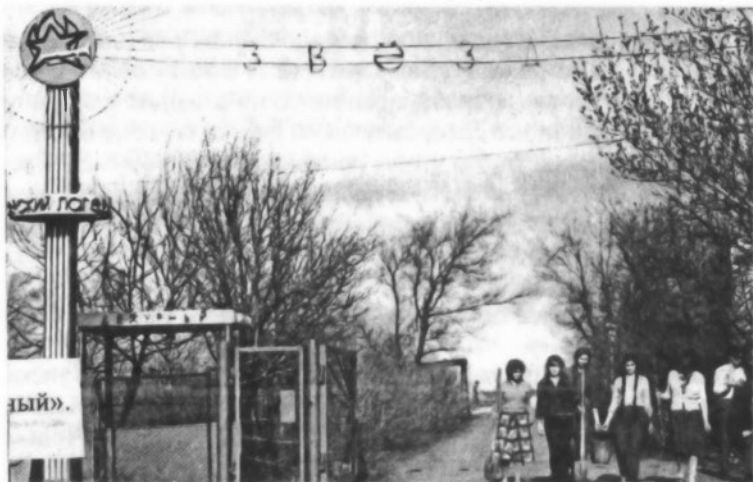
Ребята искренне раскаялись, извинились перед учителями и одноклассниками.

Андрей в Камышин приезжал не раз. Его родственники переехали в Волгоград. Теперь из Москвы в Волгоград он ездит через Камышин. У него здесь живет друг Александр. Они приходили ко мне. Мы посетили школу, побывали в музее и даже нашли ту самую скамейку. Андрей говорил, что его родная школа — камышинская, третья.

А Владимир осуществил свою мечту, окончил химико-технологический институт, навещает своего классного руководителя Н. П. Шаповалову.

## «ЗВЕЗДНЫЙ»

Первый спортивно-трудовой лагерь (СТЛ) наша школа организовала в 1972 году. Ребятам из класса Елены Алексеевны Глаздиной очень хотелось пожить на природе в палатках и зара-





ботать денег в фонд школы. Для первого СТЛ была выбрана Госселекционная станция. Нам разрешили поселиться на берегу пруда. Пруд — три громадные ивы и палатки. А в пруду, на радость любителям рыбалки (во главе с А. А. Федоровым) — рыба. Ночные концерты лягушек и огромный шатер звездного неба. Таких ярких звезд, такого темного неба в городе не увидишь. Так лагерь и назвали — «Звездный». Позже это название сохранялось во всех последующих лагерях и перешло к пионерскому лагерю кранового завода.

Питание было организовано в столовой станции силами учителей и дежурных учащихся. Ответственными за питание были:





Евдокия Петровна Верголасова и Нина Прокофьевна Шаповалова. Досуг организовывала Нина Павловна Плющева — молодая, энергичная. Работали ребята на полях, где росли особые растения, используемые в селекционной работе. Они не просто удаляли сорняки, а под руководством ученых производили отбор растений, отвечающих требованиям определенного сорта.

На берегу пруда местные ребята установили ствол орудия. Со времен войны, ствол лежал вместо балки на погребе местного жителя. Во время ремонта погреба его выбросили. Ребята подобрали и установили под углом на постаменте. Играя в войну, за него сражались местные мальчишки и наши. С него же прыгали и в пруд. Мы решили, что ствол может стать ценным экспонатом в нашем музее. Его привезли и выгрузили у запасного входа в школу. Ствол вызывал большой интерес у ребят и взрослых.

Однажды из окна в учительской мы увидели, что ребята носят ветки и щепки.

— Что вы собираетесь делать?

— Костер. В стволе снаряд. Подогреем, он вылетит.

Мы не поверили. Пришлось встать на колени и заглянуть. Видно было донышко снаряда. Саперы приехали не сразу — были на задании. Двое суток мы дежурили. А ночью организатор Анна Яковлевна Поляничко с мужем охраняли ствол...

Саперы рассказывали, что он не плохо рванул. А ведь столько лет служил мирным людям, ничего не подозревающим.

В следующие лагерные сборы мы размещались во дворе школы села Умет. Огромные тополя во дворе закрывали звездное



небо, но защищали лагерь от солнца. В истории школы он был самым удачным «Звездным»: хорошие отношения с сельской школой, местной молодежью и руководством совхоза. Рядом находилась столовая с отличной бригадой поваров. Работа у нас была самая разнообразная: прополка, заготовка сена и веточного корма и просто очистка силосных емкостей, в общем, «куда пошлют». Важно, что нам давали возможность зарабатывать на нужды школы. 100–150 человек (в разные годы) оказывали значительную помощь совхозу. Были свои трудности, но благодаря педагогам все шло хорошо. В СТЛ работали:





В. М. Данилов, А. А. Федоров, Н. И. Неретина, Н. Ф. Морозов, Е. Д. Вахнер, Р. Н. Маклаковская, Г. Л. Морозов и другие.

В часы досуга мы принимали участие в праздниках молодежи села, смотрели кинофильмы. В местном клубе и на полях выступала наша агитбригада. Был интересный план воспитательной ра-

боты. Ребята занимались краеведением, спортом, трудом. Каждую неделю проводились какие-либо тематические мероприятия. Завершалась неделя праздником. Во время недели краеведения поисковые отряды отправлялись в соседние деревни. Знакомились с историей, собирали старинные вещи для школьного музея. Завершением недели природы была выставка «природа и фантазия» — поделки из природного материала. Буквально каждый день что-то интересное происходило.

Успех воспитательной работы обеспечивался тем, что все





учащиеся были из одной школы. Было легче наблюдать и воспитывать детей, находить индивидуальный подход. Все это помогало и в дальнейшем, уже в школе. Ведь в СТЛ ехали не только желающие. Сложных ребят мы обязывали — пройти школу трудового воспитания в лагере.

Взрослые прививали ребятам гигиенические навыки и навыки культуры поведения. В условиях лагеря пробелы в семейном воспитании особенно ярко проявлялись. Порой мы получали





палатки сплошь измазанные зубной пастой. Отмывали и поясняли, что это глупо и примитивно, хотя такая традиция и существует в некоторых лагерях. Нас очень радовали шутки и сюрпризы без унижения человеческого достоинства. Запомнился один из таких сюрпризов.

Мальчикам нравились девочки из соседней палатки. Однажды девочки проснулись и увидели, что на входе стоит овальный таз, а в нем плавают белые лилии (на Иловле было таких много,





но надо еще их «добыть»). Среди лилий плавали белые пластмассовые лебеди (из ближайшего магазина). Число лебедей совпадало с числом девочек, живущих в палатке. Когда смена закончилась, девчонки увезли лебедей домой.

Также было много букетов, забавных коряжек, игрушек, стихов и других знаков внимания. Были и шутки... Разбросанные вещи, утром хозяин находил развешанными на деревьях. Еще... Ночью кто-то тихо снимал палатку. Ребята, не замечая этого, продолжали спать, правда, от холода натягивали одеяла. Проснувшийся кричал: «Украли палатку!». Все дружно смеялись — «проспали!» А палатка стояла на линейке.

Как-то подшутили и надо мной. Проснувшись утром я не нашла халата и обуви. Надела что-то другое и вышла. Всегда старалась выходить раньше других и встречать еще сонных ребят.

Посередине линейки стояла «я». На швабру был надет мой яркий полосатый халат, внизу стояли босоножки на платформе, сверху была пристроена шляпа. Я наблюдала: одни ребята обходили молча, а другие спросонья приветствовали: «С добрым утром!» Возвратившись с речки, уже смеялись все. Молодые душой преподаватели часто придумывали милые шутки и упреждали обидные. Ребята охотно советовались и просили подбросить идею. Когда мы встречаемся, много смеемся, вспоминая шутки СТЛ в Умете.

Менее удачным был лагерь в Антиповке. Но не по нашей вине. Было холодно и ветрено, особенно на горе, где нас поселили.



Рядом находился старый сад. Мы обрабатывали приствольные круги, канавки, поливали деревья. Чтобы попасть в столовую, надо было перейти через глубокий овраг, и это трижды в день. Уставали.

Как-то я приехала в лагерь. Собиралась снимать кинофильм. Сердце сжалось, глядя на учителей и ребят: песком забитые волосы, замерзшие, надето все, что было, серые лица. А я явилась из города нарядная, с высокой красивой прической. Не пошла на обед. Спустилась к заливу и холодной водой вымыла голову. Встретила ребят в лагере простоволосая с круглым бабушкиным гребешком на голове. Девочки, которые меня увидели первыми, остановились, удивленно смотрели и молчали. «Что, очень плохо, смешно?» Написала об этом случае, чтобы привести слова моей художницы Гали Самойловой: «Не смешно, а необычно, но такая вы стали ближе к нам!» В ее словах было столько мудрости, особенно в словах— «ближе к нам».

Пережив песчаные бури, дожди и холод, искупавшись, «начистив перышки», стали проводить конкурсы. В селе бывали редко, разделял овраг. Нас навещали гости — парни на мотоциклах и с пивом. С ними приходилось устанавливать дипло-





матические отношения.

Преподаватели дежурили даже ночью. Трудной была эта лагерная смена и для преподавателей: Г. А. Стасько, Р. Н. Маклаковской, Е. В. Таболина, Э. Н. Репушкиной, А. А. Федорова, Е. Д. Вахнер, Н. И. Неретиной. Бесценные услуги по хозяйственной части оказывал преподаватель Яков Генрихович Рейсих. Он все умел: ставить палатки, делать скамейки, помогать в поливе и т. д. Запомнился костер, который обогревал нас целыми сутками, когда было холодно. Яков Генрихович умел поддерживать его и в ветер, и в дождь. Знал лекарственные травы и как они применяются в народной медицине.

Именно в тех природных условиях мы нашли развлечение — уходили к Волге. Рассаживались на крутом и очень высоком обрыве. Встречали и провожали теплоходы. Белые красавцы, ярко освещенные, плыли в лунном свете. В основном, туристические. Их было много. Ночью плыли, а утром прибывали в Саратов.

Я очень любила путешествия по Волге. Много рассказывала ребятам о волжских городах, о музеях, о досуге на теплоходе. В это время с теплоходов доносилась громкая музыка, отдыхающие танцевали. Ребята мечтали о путешествии по Волге. Надеюсь, их мечты сбылись!

Какими разными были наши спортивные трудовые лагеря! Как-то шефы пригласили нас выполнить целый ряд работ по расчистке бывшего военного городка ракетчиков (что возле

Антиповки). Они собирались построить пионерлагерь для детей заводчан.

Благоустроенный городок был надолго заброшен. В кирпичные домики невозможно было войти — деревья и кустарники проросли и закрыли окна и двери.

Сначала занялись расчисткой. В двух домиках был сделан ремонт. Заменяли прогнившие полы, застеклили рамы. Столовая была под брезентом на четырех столбах. Здесь же сложили печь. Электричества не было. Следовательно — без холодильника, без электроприборов, радио. При свечах.

Особенно трудно было сохранить продукты. Вспомнились бабушкины способы. Основу лагерной смены составляли ребята из класса Ольги Павловны Евсеевой, а она — умелый организатор. Обладая терпением и трудолюбием, воспитывала эти же качества и в своих учениках. Продуктов было много, готовили вкусно. Несколько раз девочки даже умудрялись печь торты. Умело руководила кухней преподаватель домоводства Екатерина Тихоновна Гринева. Девочки прошли с нею прекрасную практику. Воду из родника носили мальчики.

Работа была тяжелой. Рыли траншеи в каменистом грунте, очищали деревья от поросли, спиливали ветки. А рядом простиралось огромное поле, огороженное земляным валом. На нем —



остатки сооружений, места, где стояли ракеты. Мальчикам все это очень нравилось.

Наши спортивно-трудовые лагеря были возможны не только благодаря нашему энтузиазму, но и нашим шефам – Камышинскому крановому заводу. Они давали нам все необходимое: палатки, спортивный инвентарь, финансировали питание ребят и воспитателей, а это до полутора сотен человек. С любовью к детям, с пониманием и сочувствием к нашим проблемам всегда относился начальник ОКСа Михаил Львович Гроденский, председатель профкома Анатолий Васильевич Суханов и Вера Александровна Чернышкова, а в отделе снабжения Виктор Федорович Чистяков и другие.

«Звездный» продолжил свою жизнь уже в роли пионерлагеря. Жаль, недолго. Все изменилось с перестройкой. Теперь уже легенды о «Звездных» передаются из поколения в поколение. Молодое поколение завидует старшим СТЛовцам

## ОВОА

О его судьбе напомнила мне А.С. Кухтенкова. Мальчик был небольшого роста, молчаливый, неприметный. Учился слабо. Одноклассники дали ему прозвище «мышонок». Когда Володей занялась милиция, все были удивлены. В семье мальчика было не все благополучно. Ему и его другу захотелось чего-то вкусно-го. Они обворовали ресторан. Возможно, за ними стоял кто-то постарше, но «не пойман — не вор». Овоа оказался в колонии.

Мальчишка, разумеется, виноват, но в то же время он вызывал сочувствие. Поэтому классный руководитель А. А. Федоров, завуч А. С. Кухтенкова и математик Н. И. Очкуренко отправились в колонию принимать у Володи экзамены. Женщины говорили, что тяжелое впечатление на них произвели строгость, проверка документов и скрежет огромных закрывающихся за их спинами дверей. Их пригласили в пустую классную комнату, потом привели Володю. Он был растерян. Все молчали. Учителя принесли ему конфеты, печенье. Овоа обрадовался. Смущаясь, попросил у Альберта Александровича закурить. В колонии правила не школьные и классный руководитель подарил ему всю пачку, при этом сказал:

— Первый раз в жизни угощаю ученика сигаретами.

Конечно, экзаменаторы были не слишком строги, их можно

понять, ибо ими руководили чувства сострадания. И подросток раскаивался.

Прошло время, и Володя появился в школе. Искал классного руководителя, наведаясь к завучам. Спрашивал об одноклассниках, о школьных делах, потом заторопился и стал прощаться:

— Я ведь только сегодня вышел, еще и дома не был, сразу к вам.

## С НОВЫМ ГОДОМ!

Всеми любимый, самый веселый новогодний праздник почти отшумел. В ушах все еще звучала любимая песенка детворы о том, как «маленькой елочке холодно зимой и как весело-весело встретим Новый год». Оставалось весело и интересно провести вечер старшеклассников. Для этого все было готово: и программа, и оформление, и елка.

В середине вечера дежурные заметили, что слишком часто ребята одного из классов бегают домой. Предлоги были разные: родителям надо отдать ключи, сменить обувь, кому-то позвонить. Изобретательности приходилось удивляться. Через некоторое время возвращались. Появилась догадка, что ребята собираются «отметить» Новый год в школе. Потом обнаружили и вещественные доказательства — бутылки с вином. Потребовали,

чтобы ребята пригласили родителей.

Им я пояснила:

— Однозначно, школа не возьмет на себя ответственность за встречу Нового года с выпивкой.

Возможно, кто-то из родителей согласится пригласить ребят к себе домой под свою ответственность? Если отдать вино родителям? Ребята, возможно, его выпросят или отберут. А где будут



праздновать? Какие могут быть последствия? Ученики всего этого не слышали. Но мы слышали их обидные слова в адрес учителей. Что мы по-бедности сами купить не можем, что, проведив учеников, устроим пьянку. Простим их, они были сердиты. Они гадали, где мы спрячем спиртное. Или унесем домой. Обидно было все это слышать. Но мы позвали ребят и все объяснили. Предложили все ликвидировать. До последней минуты никто не верил.

Сложили бутылки в большую сумку, вынесли во двор. Отошли от крыльца. Там лежали два больших бетонных блока.

— Товарищи родители, считаете ли вы, что мы поступим правильно, если все эти бутылки здесь уничтожим? Или есть другие предложения? Все молчали.

— С Новым годом, родители! — сказала Е. П. Верголосова и разбила о камень бутылку.

Этот жест был встречен гробовым молчанием и тех, кто стоял на крыльце, и тех, кто наблюдал из окон школы.

— С Новым годом, ребята! — была разбита вторая бутылка. Все вздохнули.

Вместе с поздравлениями разбивались остальные бутылки, но уже под крики: «Ура, браво, салют!» со стороны учеников.

— Вы теперь поняли, что детям пить спиртное еще рано?

После этих слов была разбита последняя бутылка. Затем все отправились в спортзал на танцы. Ни провинившиеся, ни их родители обиды не высказали.

Быть может читатель предложит другой выход из описанной ситуации? Мы его не нашли. Сторож рассказывал, что утром прохожие стояли в недоумении над местом «казни бутылок». Они не могли понять: пробки на месте, а все бутылки разбиты, вокруг розовый снег. «Как же нужно было так напиться, чтобы разом разлить на снег столько добра? Что, не могли послать в магазин трезвого?»

## МИЛОСЕРДИЕ

Часто взрослые сетуют на то, что современные дети недостаточно добры, редко сочувствуют ближним. А учим ли мы их качествам, которые хотели бы в них видеть?

Вспоминаю один случай. Семья моя переехала в большой микрорайон, где жили учащиеся школы и, естественно, их родители.

Много раз я слышала, подходя к дому, реплику:

— И чему вас только школа учит?

Рассчитана она была на то, что, увидев меня, дети перестанут шалить, я обязана принять меры. Останавливалась и воспитывала, а на лавочке продолжали спокойно сидеть родители.

Однажды я возвращалась с работы очень уставшая и довольно поздно. Прозвучала обычная реплика. И я взорвалась:

— А при чем тут школа? Школа учит и воспитывает всех одинаково. А дети все разные... Кроме школы есть еще семья, родители, улица. К родителям и обращайтесь! Школа честно выполняет свою работу, ручаюсь!

— И то, правда!

И пошел разговор уже о родителях, чьи дети плохо себя ведут. А с кого им брать пример? Народная мудрость гласит: «Ребенок учится тому, что видит он в своем доме, родители пример ему».

Дети могут проявлять лучшие человеческие качества, если они о них знают, видели примеры, испытали доброе отношение к себе. Могут быть и душевными, и милосердными. Все зависит от нас, взрослых. Время от времени в школу приводили детей с теми или иными отклонениями в развитии, физическими недостатками. Одноклассники были снисходительны к ним, не проявляли чувства превосходства, не давали обидных кличек. С некоторыми учителя занимались на дому.

Однажды проводилась учебная тревога. Надо было бежать в укрытие — песчаный карьер. Проводилось учение в виде соревнований. Учитывались организованность, время выхода и возвращения. В одном из классов учился мальчик Игорь, который ходил с большим трудом. Мы предупредили, что он может остаться в школе, но возмутились ребята класса: «Он будет с нами!» А вдруг тревога случится настоящая, что мы его, оставим?» Они сделали «скамеечку» и побежали. По дороге менялись, как в эстафете передавали свою ношу. И в школу прибежали в числе первых. Конечно, устали, но они гордились, что поступили правильно. И мы их похвалили и поставили другим в пример.

**Из жизни пионерлагеря «Звездный».** К лагерям, детским площадкам часто прибывают брошенные животные, иногда их подбрасывают хозяева, которым не хватило терпения, чтобы воспитывать щенка или котенка. «Дети любят животных, авось, прокормят», — рассуждают взрослые. В «Звездном» часто появлялись все новые подкидыши. Одних любили больше, других меньше.

Однажды появилась новая кошечка. Пришла в столовую на запах еды. Непонятной окраски в темно и светло коричневую полоску. Очень худая, жалкая. Другие питомцы все у нее отбирали. Ее обижали даже воробьи. Она подбирала крохи, оставшиеся от пиршества ребячьих любимцев. Вечно гонимая, она боялась приблизиться к людям. Ребята ее просто не замечали, не испытывали к ней сострадания.

Разговор состоялся в столовой:

— Почему вы обижаете одну из кошечек?

— «Варенку» что ли?

— Вы ее уже заметили и дали ей имя? (В моде была одежда «варенки».)

— Метко придумали! А вы подумали о том, виновата ли Варенка в том, что она такая неприглядная, худая, пугливая, и любой ее может обидеть. Как она страдала до того как ее подбросили к нам? Помогите Варенке, пусть она поверит, что есть и добрые люди. Проследите, чтобы у нее не отбирали еду другие животные. Вы ведь добрые, просто не подумали о трудной судьбе Варенки.

Кошечку стали кормить, но чтобы она поела, надо было отойти в сторону. Она боялась людей. Постепенно она поверила ребятам. Потом они вычесали ей шерстку, вылечили глазки, которые оказались ярко-желтыми. Варенка хорошела с каждым днем. В ней было столько смирения и благодарности. Ей было хорошо, и она этим явно дорожила. Когда вторая смена закончилась, многие ребята хотели кошечку забрать с собой. Было коллективное обсуждение — кому Варенку можно доверить и в чью семью отдать. Разумеется, вопрос был согласован и с родителями.

**Из моего личного опыта.** Так получилось, что однажды я оказалась на костылях. В мае перенесла операцию, а в сентябре уже вышла на работу. Несмотря ни на что, надо было проводить экскурсии. Я уже была на пенсии, но работала директором школьного музея. Экскурсию вести значительно сложнее, чем урок. Экскурсия — это «мини»- и «моно»спектакль — спектакль одного актера. Невозможно просто так заставить слушать, надо увлечь, заинтересовать. Нет оценок, не попросишь дневник, не дашь самостоятельную работу, не вызовешь к доске. По учительской привычке я могла вести уроки только стоя. А в музее надо было еще и ходить. Впрочем, я все



необходимое положила на столик, но ходила. Вдруг девочка поднимает руку:

— Надежда Федоровна, пожалуйста, сядьте, мы вас все равно будем слушать!

— Большое спасибо, вы очень сердечны, милосердны.

А следующий класс уже сказал:

— Мы знаем, что вам сказал предыдущий класс, и мы тоже можем так сказать: «Сядьте, а слушать мы все равно будем».

Еще долгое время я просила разрешения ненадолго присесть, благодарила. И ребята слушали очень внимательно.

Раз уж я заговорила об экскурсиях, хочется сказать об экскурсиях бывшего директора школы Юрия Юрьевича Скуряева. Как вдохновенно, артистично он их проводил! Какое глубокое знание материала и какая легкость изложения! Какой контакт со слушателями! Прирожденный педагог! И какая взаимная любовь была у него с детьми! Нам, двум педагогам, любящим краеведение, нравилось присутствовать на экскурсиях друг у друга.

## СТОЛОВАЯ

Много лет мы слышали упреки в адрес школы на отсутствие нормальной столовой. Буфет-раздатка был сделан по проекту, надо сказать, не очень удачному. Как и где построить столовую никто не мог подсказать, а уж финансировать...

Однажды мне пришлось побывать на курсах переподготовки директоров школ в Куйбышеве. В этом городе я нашла такую же школу, как наша, но со столовой. Директор куйбышевской школы посочувствовал мне, поскольку сам испытал такие же мытарства и подарил комплект документации на строительство столовой. Он с гордостью показывал все оборудование «своей» столовой.

Теперь можно было вести переговоры с шефами. Директор кранового завода Арнольд Михайлович Почиталин дал «добро». Специалисты завода — Владимир Михайлович Малюк и Михаил Львович Гроденский активно включились в работу.

Шефы поставили два условия: оборудование добывать самим (было мнение, что на это уйдет года два), по первому требованию выделять старшеклассников на роль разнорабочих. Вопреки ожиданиям, оборудование мы добыли за полгода. А наши «разнорабочие» разгружали машины со стройматериалами.

лами, выносили мусор. Они же ломали ненужные стены, срывали полы и делали многое другое. Этим мы как бы подгоняли строителей.

Только заходил разговор о том, что надо бы..., но нет рабочих, а на завтра мы уже все сделали. Подготовили для работы участок. Строительство столовой оказало благоприятное влияние на жизнь школы. Ребятам нравилось все, что происходило. Болтающихся без дела не было. Работа находилась для всех. Замечательные примеры детям показывали учителя. Сами разгружали и переносили оборудование. А если его привозили ночью, учителя-мужчины дежурили и разгружали. Работали вместе с ребятами. Строительство увлекло всех, а у наших шефов наше отношение к делу вызывало уважение, и они старались.

За полгода столовая была построена. Как же все мы были горды нашим участием, ведь каждый старался внести свой вклад. Учителя заметили, что во время строительства даже нарушений дисциплины не случилось. Снижать оценки за поведение было некому, особенно трудные ребята нашли здесь применение своей энергии.

## **ХУДОЖНИКИ-ОФОРМИТЕЛИ**

По всем направлениям воспитания школа работала довольно успешно. Менялись требования. Но многие годы школа несла верность краеведению и эстетическому воспитанию. Не было такого момента, чтобы не работали кружки прикладного искусства, не трудились художники-оформители. Вырастали ребята, менялись направления работ (в связи с потребностями и возможностями), росло мастерство, менялись интересы повзрослевших ребят. И мы переходили к новым видам изобразительного искусства. Многое менялось, но неизменным оставались — увлеченность и дух творчества.

Вначале создавались бригады по оформлению отдельных классов. Обсуждалась тема, содержание оформления, составлялся эскиз. Обсуждались его достоинства и недостатки. Учитывались наши возможности в выполнении конкретной работы. К тому времени стены уже сплошь покрывали рисунки масляной краской. А писать масляными художественными красками было удобно (готовый грунт), легко исправлять, а менее удачную роспись можно



было и закрасить во время ремонта. Выбрали мы и определенный стиль. Средств было мало, материалов тоже. К тому же ребятам трудно было сделать многоцветные художественные композиции. Пришлось остановиться на графических изображениях и подражании витражам.

В декоративные росписи на стенах вложили свой труд несколько поколений и большое количество учащихся. Мои приемники К. Е. Ситников и Ю. Ю. Скуряев понимали это и наиболее удачные работы старались сохранить. Многие из прежних панно

потом не раз поправляли, меняли, но бережно хранили «березы» на втором этаже. Это была самая первая работа масляными красками на стене. Довольно несложный, но очень выразительный рисунок. Стилизованные березы в черно-белом исполнении на голубом фоне, а за ними желтый диск Луны (а, может, Солнца). Работа давалась трудно. Краски не ровно ложились и растекались. Ведь мы использовали чаще не художественные, а обычные краски, а они более жидкие, да и не умели мы еще работать.

Наконец, многострадальная работа была закончена. Перед общешкольным родительским собранием возле «березок» стояли ребята и их родители. Юные художники гладили стволы и каждую веточку «своей» березки. Они были счастливы и горды, и родители тоже.





Класс Полины Гавриловны Александровой был трудным, но она умело работала с ним. А тут ребята оказались «при деле», да еще и заслужили одобрение у всех на виду. Они и составили основу кружка художников-оформителей. Позднее в кружок влились еще несколько трудных подростков. По школе пошло гулять мнение, что «Надежда Федоровна любит трудных». Классные руководители стали пристраивать их в кружок. Несколько раз приходилось слышать: «Так ты еще и рисуешь?» Я тут же начинала хвалить художника.

В кружке ребята получили возможность попробовать свои силы, проявить себя. В этих желаниях никому не отказывали. Воспитывались: уважение к работе художника, бережное отношение к краскам и кистям, уважение друг к другу, взаимопомощь.

Вспоминается девочка Зина, которая совсем не рисовала. Она приходила на помощь когда звали: «Зина, выручай!» Значит, что-то «запороли» и надо смыть, подчистить с помощью растворителя и тряпки. Она и выручала. А «художник», стоя в сторонке, мог переживать свою неудачу, успокоиться. Еще Зина умела смешивать краски, мыть кисточки, палитры (ими служили куски стекла или битые тарелки из буфета) и многое другое.

Володя умел хорошо и надежно установить столы, поставив один на другой. Так он организовал площадку для работы на высоте: несколько девочек не только рисовали, но и были хозяйшками.



Они готовили нехитрую еду, мыли посуду. Каждый в кружке помимо рисования имел свои обязанности. Чувствовал себя нужным и полезным. Росписи на стенах были не просто украшением. Они работали.

Вернемся на второй этаж. На противоположной стене рядом с березами позже появились сосны на фоне бескрайних вод-

ных просторов. А по центральной стене «потекла» родная Волга с обозначением городов с их гербами.

Стенды на стенах коридора рассказывали о народах Поволжья, историческом прошлом. Тем экскурсий было много: о городах-крепостях на Волге; о Волге — «главной улице России»; о Волгоградской области; ее истории и перспективах экономического развития; о Камышине, его истории, экономике, культуре. Экскурсия неизменно начиналась словами: «Россия — страна березового ситца, бескрайних степей, водных просторов, лесов и гор» (ссылки на росписи). А продолжалась уже у стилизованной карты Волги, раскинувшейся от пола до потолка.

Одни ученики принимали участие в создании живописных панно, другие становились свидетелями их работы. Отношение к творчеству самодеятельных школьных художников было уважительным. Во всяком случае никто и никогда работы оформителей не портил. Особенно когда краски были еще свежими, к ним относились бережно. Вначале художники стеснялись работать при всех. Оставляли работу на время перемен и пересменок. Мы собирались по воскресеньям. Это особенно нравилось ребятам. Целый день и без помех. С вареной в мундире картошкой, которую макали в растительное масло с жареным луком (это была традиция). А к чаю — извечные карамельки «Пуншевые» (самые дешевые). Но все было так вкусно!

Когда ребята овладели навыками работы, то обрели и уве-



ренность. И мы стали работать в любых условиях, и в любое время. Это имело важное значение в воспитании как зрителей, так и художников.

Совершенствовалось мастерство наших художников-оформителей, повышались и требования к содержанию и исполнению «заявок».

Лидия Александровна Андреева — преподаватель литературы, любила поэзию и сама писала стихи. Однажды она принесла стихотворение, которое начиналось словами: «Россия», — шепчут камыши. «Россия», — ключ журчит в ложбине...» и далее объяснения поэта в любви к Родине. Ей хотелось, чтобы и стихи, и роспись на передней стене класса обязательно сочетались. Идея так понравилась ребятам из ее класса, что они попросили поручить оформление кабинета литературы не художникам-оформителям, а им самим.

Долго искали рисунки к эскизу. Образ получился весьма собирательным, но были тут и камыши, и «ключ в ложбинке», и много «воды», и стихи. И пусть эта роспись на стене получилась не столь удачно, но ребятам и учительнице она нравилась. Ведь это была их собственная идея и их исполнение.

Другому литератору — Екатерине Тихоновне Гриневой и ее ребятам захотелось, чтобы переднюю стену их класса украшала «страна березового ситца». Довольно удачно были нарисованы бескрайние просторы полей и перелесков над

классной доской. А справа от доски поднимались по стене от самого пола стройные молодые березки. На тонких веточках красовались молодые весенние листочки. Эти березки нравились всем.

Спустя много лет, при строительстве школьной столовой возникла необходимость убрать стену, чтобы увеличить обеденный зал за счет прежнего кабинета литературы. Больше всего сожалели о нарисованных березках. Ломали эту стену и выносили мусор сами ребята. Мы ведь помогали строителям как могли. Стена была сложена из гипсолитовых плит. Трудились с азартом, но когда дошли до березок, то оставили работу... Так и не поднялась рука на «наши березки».

Строители ворчали:

— Не могли уж до конца убрать стену, помощнички!

А мы, педагоги, понимали ребят!

Художники-оформители выполняли множество различных декоративных и живописных работ. Стимулом к массовому увлечению и созданию всевозможных художественных изделий в школе служили наши праздники «Золотая осень». В сентябре-октябре проходил месячник биологии, совершались экскурсии, походы. В лесах и оврагах дети собирали природный материал для изготовления зимних букетов, скульптурных композиций из

**Выставка работ школьного кружка декоративно-прикладного искусства в городском музее.**





коряжек, шишек, желудей. Это была подготовка к празднику и главному его конкурсу мастерства — «Природа плюс фантазия». Если один класс представлял на этот конкурс 20–25 работ, то ясно, что трудились все учащиеся класса.

Одни классы отличались тем, что принимали самое активное участие в конкурсе «Природа плюс фантазия». Другие лучше всех готовили программу художественной самодеятельности, кому-то лучше удавались выступления в защиту плакатов по экологии. А кто-то удивлял в кулинарном конкурсе, отличившись приготовлением блюд национальной кухни, пирогами из муки нового урожая, гостеприимством. Приготовить одному классу на «отлично» все конкурсы было просто невозможно. Готовились ко всем конкурсам, но побеждал кто-то один. Кроме того, распределялись еще и общекомандные места. Чаще других побеждали классы О. П. Евсеевой, Г. А. Стасько, Е. Д. Чегодаевой, Н. М. Неретиной, В. А. Кудеркиной, С. Н. Люшниковой, Н. Н. Пурновой, Н. П. Шаповаловой, Н. И. Бережновой, С. Ю. Скуряевой, С. А. Маслаковой, Е. В. Рамашкан.

После праздника все конкурсные работы выставлялись на всеобщее обозрение в кабинете биологии. Там обычно проводились педсоветы и проходили уроки всех классов. Затем лучшие из работ поступали на постоянную выставку «Природа и фантазия». Что-то передавали создателям работ в их учебные кабинеты и классы. А свежие цветы, плоды и овощи увядали.

Накануне трудного перестроечного времени наши художники





закончили школу и покинули нас. Они оставили благодарную память о себе и чудесные воспоминания о нашей совместной работе. Мы создали новый кружок — прикладное искусство. Основу его составил 3-й класс Нины Ивановны Неретиной. Какие-то навыки у ребят уже были, да и учительница была мастерицей. Скучные возможности для работы кружка совсем иссякли. И тогда мы приняли решение заняться изготовлением мягких игрушек и полезных в доме вещей: прихваток, кармашков для расчесок и ключей (пингвинов, сов, львят и сапожек).

И учителя, и ребята несли из домов все, что могло пригодиться: лоскутки, старые вещи, тесьму, нитки, обрезки кружев. Очень активно нам помогали родители. Порой приносили: пирожки, сухарики, оладьи (занимались мы после второй смены). Ребята были еще малы, а зимой рано темнело. Родители развозили их по домам. А потом все наши лоскутки закончились. Мы перешли к технике флоража (панно из засушенных листьев и цветов), а затем нас выручала заготовленная летом соломка для аппликаций (но это уже на следующий год).

В то «перестроечное» время невозможно было что-либо купить для подарка. Мы помогали ребятам делать сувениры, даже принимали заказы и продавали работы. Деньги шли на нужды кружка и на наши чаепития. Очень были скромными, но все же... Мы очень гордились тем, что могли заработать деньги. Однажды мы купили электрический утюг, 11 килограммов сахара, чашки и ложечки, и еще остались деньги на хлеб. Из остатков хлеба, иногда и було-



чек Нина Ивановна делала румяные сухарики, приносила ломтики сушеной свеклы.

Первой нашей коллективной работой были четыре панно — «Времена года» для классной комнаты ребят. Это был общий труд. Кто-то лепил воробышков, кто-то домики, листья рябины, клена. Нам доставались сложные элементы: церковь, мельница, цапли. Из всех этих деталей составлялась общая композиция. Работы довольно большие и даже сейчас хорошо смотрятся.

К работе в кабинете Н. М. Неретиной подключилась Виктория Игоревна Пехтелева — преподаватель рисования. Был оформлен очень богатый материал (как раздел музея) — «Народное декоративно-прикладное искусство». Не только стенды, но и многие экспонаты музея перешли в экспозицию. Можно было проводить экскурсии и уроки по изобразительному искусству. Повзрослевшие ребята сами рассказывали о разных видах прикладного искусства. Позже еще на одной из стен были показаны образцы тканей, вышивки, кружево-

плетения под заголовком — «Наши бабушки-прабабушки были рукодельницы». Эту экспозицию дополнила большая картина из соломки «Крестьянская изба». Там были изображены: и русская печь, и ткацкий станок, и прялка, и многое другое из сложного быта наших предков-камышан.

Вместе с Викторией Игоревной в кружок пришли старшие ребята из ее класса. К тому времени мы полностью оформили первый этаж школы: аппликациями, соложкой, чешуйками чеснока, панно — техника флоризма.

Заведующему ГорОНО Владимиру Сергеевичу Подхватилу, посетившему школу, оформление очень понравилось.

Но он сказал: «Цветы, бабочки, ласточки — все замечательно, но школа имеет краеведческое направление и музей. Теперь возьмитесь за архитектурные памятники».

Я была озадачена, пыталась возразить:

— Из соломки хорошо получаются деревянные сооружения, а у нас одна только пожарная каланча деревянная.

— Ничего, подумайте и сделаете, вы сможете.

Со старшими ребятами и их учительницей Викторией Игоревной мы и сделали. Трудились три года. На первом этаже началась экскурсия от вестибюля, где две картины П. И. Бутяева «Старый Камышин» и «Плоты на Волге», а уже в коридоре — 14 картин о прошлом и настоящем нашего края и города. По традиции Ю. Ю. Скуряев встречал экскурсию в вестибюле. От картин П. И. Бутяева он переходил к нашим работам. Слушать его было — одно удовольствие. Все картины были снабжены большими этикетками. На них кроме названия того, что изображено, имелась история памятника, год его строительства, инициалы художника, картиной которого пользовались при создании картины, фамилии исполнителей работы. Эти сведения были нужны не только во время экскурсий, но и когда ребята писали творческие доклады по заданиям учителей истории и литературы.

Так при помощи искусства осуществлялись — эстетическое, нравственное, патриотическое и трудовое воспитание.



## ПОСЛЕСЛОВИЕ

В этой книжке сорок отдельных сюжетов из жизни школы № 3. Они не связаны друг с другом ни содержанием, ни временем. Буквально калейдоскоп из обыкновенных событий, педагогически продуманных и случайных, забавных и грустных, но составляющих школьную жизнь. Еще многое можно было бы вспомнить и рассказать, назвать имена других самоотверженных тружеников-учителей. И это только по одной школе. А сколько их в нашем городе, стране! Память о них в сердцах тех, кого они воспитали. Их помнят и любят. Многие ушли в мир иной, но продолжают жить в нашей памяти, наших делах.

Кроме этих воспоминаний есть еще две объемные «Книги памяти», которые рассказывают об истории 46-й железнодорожной школы и средней школы № 3 им. Г. С. Титова. В книгах памяти много фотографий, статей о школах, о славных наших учителях. В конце второй «Книги» перечислены более двухсот фамилий. Мы постарались вспомнить всех поименно. В этой нелегкой работе огромную услугу оказала мне — бессменный завуч школы А. С. Кухтенкова.

При написании этой книги я как бы заново все пережила. Чувства глубокой признательности овладевают мною. Я благодарю всех-всех — с кем плечом к плечу мы трудились в одном дружном коллективе, преодолевая трудности, огорчаясь и радуясь.

Спасибо вам, мои соратники и друзья!

***Ваша Н. Ф. РОМАНЕНКО.***





**Ю. Ю. Скуряев.**



**В школьной мастерской.**



**Т. В. Сухобай.**



**Будиловский.**



**Н. Г. Ефимов.**



**На педсовете.**



**День пионери.**



**Урок мужества.**

# СОДЕРЖАНИЕ

К читателю .....	2
От автора .....	5
Прощение .....	7
Начало .....	8
Картина .....	14
Горлицы .....	16
22 июня .....	17
Чукчаночки .....	18
Игрушки .....	20
Память .....	22
ОПМ .....	24
Мышки .....	26
Череп .....	27
Музей .....	30
Рога лося .....	33
«Зарница» .....	34
Памятник природы .....	36
Неандертальцы .....	44
Пальчик .....	45
Форма .....	46
Живой уголок .....	50
Петиция .....	52
Автомат .....	54
Цирк в школе .....	55
Женя .....	56
Гирька .....	58
Колечко .....	59
Музей (возрождение) .....	60
Школьный кинотеатр .....	65
Клад .....	67
Оформители .....	68
Плащ .....	73
Финка .....	73
Цыган .....	75
Хор мальчиков .....	75
Андрей .....	78
«Звездный» .....	80
Вова .....	91
С Новым годом! .....	92
Милосердие .....	93
Столовая .....	96
Художники-оформители .....	97
Послесловие .....	107



**Надежда Федоровна  
РОМАНЕНКО**

## **ШКОЛЬНЫЕ ОБЫКНОВЕНИЯ**

**Технический редактор и корректор З. С. ДУГУШОВА.**

Сдано в набор 16.06.2006 г. Подписано в печать 14.07.2006 г.  
Формат бумаги 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Arial».  
Печать офсетная. Печатный лист 7. Тираж 300. Заказ 1957.

© Камышинская типография.  
Лицензия ИД № 05440 от 20 июля 2001 года.

403882, г. Камышин, ул. Красная, 14.

